

СОЛНЕЧНЫЕ БРЫЗГИ

МАРИЯ
БЕРЕСТОВА

ГРЭХАРД

Грэхард потерял друга по собственной вине — и теперь учится с этим жить.

...но иногда лучи анжельского солнца долетают и до ньонских скал

— сентиментальная повесть (вы предупреждены!)

— романтизированная трактовка образа Грэхарда

— стеклянное стекло, посыпанное стеклянной крошкой

— светлая концовка

***

Ошеломление.

Именно так Грэхард охарактеризовал бы чувство, застывшее в светло-карих глазах Дерека, если бы, конечно, предположить, что владыка умел бы различать чужие чувства.

Ошеломление, сдобренное, к тому же, осязаемым оттенком беспомощности.

Широко распахнув свои и без того большущие глазищи, Дерек смотрел на него ошеломлённо и беспомощно; левая рука его дёрнулась было вверх — то ли проверить целостность зубов, то ли в запоздалой попытке прикрыться, — но не довела движения до конца.

Грэхард замер. На фалангах пальцев правой руки ещё дрожало саднящее ощущение удара — слабое, почти неуловимое ощущение, потому что голова Дерека под его ударом дёрнулась, и его кулак почти не встретил сопротивления, просто снося мягкую скулу силой инерции от удара.

Секунды тягуче текли в никуда.

Лицо Дерека искривилось болью; скула покраснела, опухая прямо на глазах.

Губы Дерека шевельнулись: он что-то сказал, но Грэхард совершенно не разобрал слов. В ушах шумело и стучало так, что решительно невозможно было расслышать что бы то ни было.

Подхватив со стола подписанный только что свиток, Дерек посмотрел прямо на Грэхарда — с пустым и обречённым каким-то выражением — и вышел.

С его уходом комната словно погрузилась в сумрак — или просто что-то померкло в глазах Грэхарда.

В лёгких раздрающе жгло, и у него не получалось сделать вдох. Хотелось подойти к окну и распахнуть плотные шторы — впустить воздуха и света! — но сил на это совершенно не было.

Мучительное чувство непоправимости произошедшего сдавило его в могучих удушающих объятьях. Он не мог понять, поверить и осознать, что он — только что — ударил Дерека.

Ударил Дерека.

Это звучит как нечто совершенно невозможное и противоестественное.

Этого просто не может быть — потому что не может быть!

Оперевшись рукой на стол, Грэхард тупо смотрел в то место, где только что стоял Дерек, и не мог справиться с навалившим на него шквалом эмоций.

Сильных, бушующих, душу раздражающих эмоций, с которыми у него никак не получалось совладать, которые он запрещал себе осознавать и обмысливать, от которых он отмахивался, запрещая себе замечать, что они есть.

Если бы Грэхард позволил себе заглянуть в своё собственное сердце и увидеть, что именно теперь там хозяйничает, то он бы выделил главным царящим там чувством отчаяние.

О да, это было оно: чёрное, беспросветное, ощущаемое как смертный приговор отчаяние.

Он любил Эсну так долго, так сильно, так мучительно; он так долго и безнадежно боролся с этим чувством, так много сил отдал на то, чтобы его побороть; ему стоило таких

трудов и усилий отказаться от собственной гордости и самоуважения, но всё же уступить этим чувствам; он сделал всё, от него зависящее, чтобы завоевать Эсну, и ради этого поступился таким количеством важных для него вещей; он, наконец, добился того, чтобы она стала его женой...

Но он так и не добился её любви.

Она любила Дерёка; не его.

И он ничего, ничего, ничего не мог с этим сделать.

И эта тотальная беспомощность перед её выбором так пугала его, что он запрещал себе даже думать в этом направлении. Он запрещал себе замечать и её чувства к Дерёку, и чувства Дерёка к ней; он не хотел этого видеть, знать, понимать.

Она должна была быть его, и только его.

Он не желал ничего знать о том, что она не его.

Он запрещал себе чувствовать это безжалостное в своей окончательности отчаяние, он душил его в себе. Он не видел его в упор, не осознавал, не позволял себе замечать его.

Он весь был полон этим отчаянием, переполнен им, оно рвалось уже далеко за все границы и пределы, — но он его не замечал.

Пока это отчаяние не взлетело его кулаком — в лицо друга.

Друга, который...

...вторым владеющим Грэхардом чувством была обида.

Обида на Дерёка, который знал — знал, знал, знал! — как ему дорога Эсна. Который знал, что это не просто прихоть, не каприз властного тирана. Который знал, как он глубоко, искренне, всей душой нуждается в Эсне.

Он никогда ничего не хотел для себя. Он жил для страны и отдал ей всё своё служение, без остатка.

Эсна была его единственным наваждением, его единственным желанием, его единственной слабостью.

Как мог Дерёк — который знал, знал, знал! — как мог он... как мог он стать для Эсны тем, кем хотел для неё стать он, Грэхард!

Отчаяние и обида, переплетаясь внутри его души, рвались наружу, требовали выхода, требовали продолжать разрушать — им было мало одного удара! Они хотели крушить всё вокруг, убивать всех, кто встанет на пути, неистово пробиваться наружу ударами и боем, выплёскивая в них свою силу.

Но Грэхард не стал ни крушить кабинет, ни молотить кулаками по стенам. Тяжело дыша затхлым воздухом своего кабинета, он стоял, прикрыв глаза, и ожидал, когда неистовый поток мучительных чувств схлынет, наконец, и освободит его от своей власти.

Он дышал прерывисто, трудно, пытаясь сосредоточиться на бешено стучащем сердце и призвать его к порядку — но сердце, переполненное горечью, обидой и страхом, не желало его слушать.

Сердце варилось в кипятке своей боли; и эта боль требовала и требовала выхода наружу — а Грэхард раз за разом упрямо душил её и запрещал ей наружу выходить.

С четверть часа продолжалась эта упрямая борьба.

Наконец, овладев собой, Грэхард поплотнее запахнул штормовые шторы на окнах, грузно сел за рабочий стол и придвинул к себе бумаги.

Дела государства никто не отменял.

***

Вечером Дерек не зашёл, и Грэхард даже испытал на этот счёт некоторое облегчение.

Он совершенно не знал, что теперь делать и как теперь себя вести. Больше всего ему хотелось просто сделать вид, что ничего не было. Просто притвориться, что этот эпизод ему примерещился. Отменить его, вычеркнуть из реальности.

Но Дерек, видимо, обиделся — и Грэхард, тяжело вздыхая, признавал, что друг имел на это полное право. Поэтому, очевидно, нельзя было просто сделать вид, что ничего не было: нужно было извиниться.

Извиняться Грэхард не любил и не умел. В конце концов, с учётом его статуса он и не должен был этого делать. Он повелитель Ньюна, а значит, всегда по умолчанию прав.

Ему не хотелось теперь видеть Дерекка; потому что нужно было определить, тогда, что ему сказать, как теперь себя вести. Думать об этом было неприятно, и, появившись вдруг сейчас Дерек перед ним, Грэхард оказался бы в затруднительном положении человека, который не знает, что сказать, но чувствует, что что-то сказать нужно.

Однако, хвала Небесному, Дерек не зашёл — должно быть, тоже не знал, что теперь сказать! — и Грэхард мог лечь спать спокойно.

Однако едкое, заполняющее сердце чувство упорно не давало ему заснуть. Он ворочался и ворочался в постели под тяжёлым пыльным балдахинном, придумывая всё новые причины, чего ж ему так не спится — не то душно, не то жёстко, не то мозоль от рукояти меча ноет, не то шуршит что-то за окнами, — не желая признавать даже перед самим собой, что это стыд.

Грэхарду настолько редко бывало стыдно, что он, пожалуй, мог и не понять, что именно с ним происходит.

Тяжко вздыхая, он ворочался без сна, так и сая взбивая подушку и не находя себе места. Зыбкая тьма сгущалась вокруг его ложа, давила на подсознание и усиливала тревогу.

Они никогда не ссорились с Дерекком.

Им случалось бурно спорить, отчаянно ругаться, орать друг на друга, язвительно припоминать друг другу какие-то промахи — но они никогда не ссорились.

Дерек был частью его души; самым близким, самым родным человеком, таким близким и родным, что поссориться с ним было попросту невозможно.

Но теперь — Грэхард понимал это отчётливо — у них случилась именно ссора.

Причём в ссоре этой был виноват именно он сам.

Можно, конечно, было обиженно бурчать, что Дерек слишком бурно защищал солнечную — но это были мелкие придирки. Теперь Грэхарду даже казалось, что и не было там ничего такого особенного, из-за чего стоило так звереть. Ему, определённо, примерещилось от ревности: Дерек, конечно же, любил солнечную, как жену своего господина, и поэтому, естественно, бросился на её защиту. А он увидел невесть что...

Нет, в ссоре он был виноват целиком и полностью сам. Навоображал себе дури, возревновал, перестал контролировать свой гнев — и вот результат.

Всё-таки нужно будет извиниться.

Это действительно полностью его вина, и Дерек вправе чувствовать себя обиженным.

Ещё раз тяжело вздохнув, Грэхард перевернулся со спины на бок и прикрыл глаза, пытаясь уснуть.

Но нет, сон по-прежнему не шёл.

Напротив, беспокойство его всё росло, и он опять заворочался; но найти удобное положение оказалось настолько невозможно, что он, наконец, сел в постели, мрачно глядя в ночную зыбкую тьму.

Дерек, конечно, простит его. Он прекрасно знает, что всё, что касается Эсны, заставляет его звереть. Завтра же с утра он попросит прощения, обязательно; Дерек, конечно, простит, и всё станет по-прежнему.

Грэхард пытался дышать размеренно и глубоко, успокаивая себя этими мыслями, но чёрная тревога всё сильнее разгуливалась в его сердце.

«А если не простит? — коварным тонким голоском твердила она. — А если он подумает, что ты считаешь это нормальным, бить его?»

Сбившись с ровного дыхания, Грэхард вздохнул тяжело.

Ему стало думаться, что, возможно, Дерек ждал от него первого шага, и думал, что

Грэхард сам придёт к нему вечером, чтобы извиниться. А он, не придя, этим подтвердил, что не чувствует за собой вины.

«Глупости!» — попытался отмахнуться от этой тревоги Грэхард, однако она не только не развеялась, а ещё укрепилась, и теперь и сидеть ему стало неуютно и неудобно.

Он встал и принялся расхаживать по своим покоям.

«Обязательно, — постановил он сам в себе, — с утра первым делом извинюсь».

Он был очень доволен этим решением. Казалось, что проблемы больше нет.

Однако, с тоской поглядев на разобранную кровать, он понял, что так и не сможет лечь.

Едкий дымок тревоги всё ещё сочился по его венам, заставляя пальцы нервно дрожать, а сердце — сбиваться с ритма.

Ему требовалось сейчас же получить подтверждение, что Дерек его непременно простит.

Он знал, конечно, что простит; но ждать до утра!

Это было слишком мучительно!

Проиграв, наконец, в этой борьбе с самим собой, Грэхард вышел из своих покоев. Сделав страже знак оставаться на местах, в одиночку дошёл до комнаты Дерека.

За дверью было темно и тихо.

«Он, должно быть, уже спит», — растеряно осознал Грэхард.

Стояла глубокая тёмная ночь. В коридоре было сумрачно и холодно; свет далёкого факела едва доносился туда.

Грэхард пристально посмотрел на щель под дверью: нет, ни лучика не пробивается. Спит.

Съедающая его нервы тревога требовала действовать: постучать, разбудить... но Грэхард всё же отдавал себе отчёт в том, что это было бы и вовсе запредельным свинством: разбудить теперь Дерека для того, чтобы извиниться.

Он должен был набраться мужества сделать это с вечера, а не избегать его. Теперь уж, раз дотянул, придётся подождать утра.

В сомнениях Грэхард простоял так минут пять, прислушиваясь: вдруг удастся разобрать, что Дерек всё же не спит.

Но за дверью было совершенно тихо. Единственный звук, который сюда доносился, — едва различимый шуршащий треск факела.

Грэхарду даже стало обидно, что Дерек, видите ли, преспокойно спит, когда он тут, понимаешь ли, так мучается.

Захотелось разбудить его чисто из вредности: пусть, мол, мучается тоже.

...Грэхард, впрочем, весьма красочно представил себе эту картину.

— Мой повелитель, ты совсем с ума сбрендил?! — в деталях вообразил он себе возмущённое и негодующее лицо Дерека. — Твои извинения серьёзно не могли подождать до утра?!

Он даже слегка фыркнул, вообразив себе эти интонации.

В самом деле, извинения спокойно подождут утра. В конце концов, это формальность; Дерек и сам прекрасно знает, что он чувствует себя виноватым. Не может не знать.

Вздыхнув ещё раз напоследок, Грэхард понял, что ноги его совсем заоченели — каменные полы морозили не хуже льда, — и, если он будет продолжать в том же духе, завтра Дерек ещё и насыдет на него с возмущениями по поводу на ровном месте полученной простуды.

Потерев заледеневшую ступню одной ноги о голень другой, он ещё раз с тоской глянул на дверь и ушёл к себе.

***

Сном Грэхард забылся только за час до рассвета, так что немудрено, что с утра настроение у него было самое наиотвратительнейшее.

Он ничуть не отдохнул; голова была тяжёлой, мысли в ней ворочались вязко и трудно, мелькая криками чёрных воронов в сумеречной зыби ощущений.

Он расхаживал по покоям в ожидании Дерека, пытаясь внутри составить приемлемые слова извинений, но из-за ужасного настроения у него всё выходило не то; к тому же, Дерек всё не появлялся и не появлялся, и от этого раздражение, подпитываемое тревогой, всё усугублялось и усугублялось.

Наконец, не выдержав этого муторного ожидания, Грэхард пошёл к Дереку сам: лучше уж встретиться, наконец, лицом к лицу, чем снова и снова прокручивать в голове дурацкие сценарии.

Подойдя к знакомой двери, он уверенно постучал.

Ответа не последовало.

— Дерек? — чуть повысив голос, спросил он. — Я могу войти?

Ответа вновь не было, и раздражённый Грэхард дёрнул ручку и вошёл.

Комната была пуста; кровать убрана — должно быть, Дерек уже ушёл.

На дне души царапнулось неприятное чувство. Грэхард понял, что Дереку настолько не хотелось теперь его видеть, что он нашёл себе какое-то дело, лишь бы не являться к владыке.

Мучительное сомнение кольнуло в сердце — а если не простит?

Нет, простит, конечно, простит. Но, видимо, сильно задет и обижен — немудрено.

Со скрипом и внутренним сопротивлением Грэхард признал, что у Дерека есть все права серьёзно обижаться и избегать его. Он в самом деле перешёл все границы и заслуживает этой обиды.

Вздохнув, Грэхард ещё раз окинул взглядом комнату. Зацепился за заваленный бумагами стол и поморщился: там были и важные проекты, а Дерек не запер комнату, когда уходил. Не то чтобы в Верхнем дворце могли оказаться посторонние, но ведь и стражу и слуг тоже можно подкупить!

Поставив внутреннюю заметку в памяти сделать Дереку замечание, Грэхард сам достал шершавый железный ключ — тот висел на виду, — и запер дверь, отправляясь на совет в одиночку.

По пути его царапнула мысль, что, когда Дерек вернётся, он теперь не сможет попасть к себе.

На секунду владыка даже сбился с шага, решив было отправить туда дежурить стражника с ключом, но потом ему в голову пришла мысль, что так даже лучше. Где бы ни носило Дерека — ему теперь придётся пересечься с ним, чтобы получить обратно свой ключ. Тогда и поговорят.

С этим решением Грэхард пришёл на совет, и чувствовал себя даже вполне благодушно.

Однако ни после совета, ни за обедом Дерек не объявился — это, впрочем, не было редкостью, он мог пообедать и на кухне, если бывал занят каким-то делом. Так что, беззвучно вздыхая, Грэхард ждал вечера.

Но и тогда Дерек не пришёл — и это было уже странно. Именно на нём лежала

обязанность приносить владыке многочисленные документы, требующие его внимания; без документов вставала вся работа.

Грэхард предположил, конечно, что Дерек может быть настолько обижен, что всё ещё не хочет его видеть. Но он бы мог, во всяком случае, передать бумаги со слугой!

Какими бы там ни были их личные обиды — это не повод пренебрегать делами государства!

Грэхардом всё глубже стало овладевать тёмное раздражение. Он сам всегда откладывал всё, важное для него, чтобы полностью отдаваться делам своей страны. Да у него особо и не было ничего своего за рамками этих дел! Он весь принадлежал Ньону.

Саботаж со стороны Дерекка ему казался в высшей степени недопустимым. Перед делами государства должны были меркнуть любые личные чувства.

Посчитав такое уклонение от обязанностей совершенно недопустимым, Грэхард вызвал начальника стражи Верхнего дворца и велел ему отыскать и привести Дерекка. В конце концов, сколько можно откладывать этот дурацкий разговор!

В ожидании встречи расхаживая по мрачному кабинету и невольно вслушиваясь в рокот далёких волн, Грэхард убеждал сам себя, что нужно быть мягче. Ему хотелось сделать Дерекку выговор — и за незапертую комнату с бумагами, и за вечернюю халатность — но он снова и снова напоминал себе, что действительно очень обидел друга, и что это ему, Грэхарду, нужно извиняться и искать прощения, а не Дерекку.

Около часа Грэхард спорил сам с собой — в нём равно схлестнулись вина и раздражение — и, наконец, заметил, что Дерекка почему-то всё ещё нет.

Он послал стражника за начальником; тот явился скоро, лязгая железом доспеха.

— Простите, мой повелитель, — с глубоким поклоном отрапортовал он, — пока не сумели найти.

Начальник стражи в первую очередь убедился, что Дерек из Цитадели не выходил, и теперь методично разыскивал его по всем помещениям дворцов и контуров.

Грэхард нахмурился, предположив, что Дерек от обиды засел в какой-то дальний уголок — пыльный чердак или потайные покои. Велев продолжить поиски, он вызвал секретаря и всё-таки занялся бумагами.

В отсутствие Дерекка дела шли медленно. Секретарь в основном занимался тем, что стенографировал заседания совета, и не очень-то был в теме текущих дел — вся бюрократия лежала на плечах Дерекка. Разобраться сходу во всех бумагах и нюансах не смогли ни секретарь, ни даже сам владыка, поэтому на вечернюю работу ушло непривычно много времени — закончили они лишь глубокой ночью.

Дерекка к этому времени так и не нашли.

Совершенно выбешенный непривычно сложной — без помощника — работой, и самодурством Дерекка, Грэхард, однако, отдал ключ от его комнаты одному из стражников и отправил его дежурить у дверей Дерекка. А то вернётся к себе — и даже войти не сможет.

Завалившись спать, Грэхард провалился в сон моментально: сказалась предыдущая ночь и волнения.

Спалось ему, впрочем, плохо: ему становилось то душно, то холодно, его преследовал едкий запах стальной крошки — от доспехов, что ли? — он пару раз вставал открыть или закрыть окно, путался в одеяле и видел какие-то муторные тяжёлые сны.

Ночь ничего не изменила: Дерек так и не появился.

Чувствуя глубокое бешенство, Грэхард вызвал главу тайного сыска и велел ему устроить полный обыск Цитадели, а сам пошёл на совет.

Скверное расположение духа настойчиво искало выхода, и Грэхард лютовал, затыкая советников, раздавая жёсткие приказы и придавливая всех грозным сверкающим взглядом.

После совета гнев его ещё разгорелся: Дерек так и не был найден. Рванув шершавые верёвки, Грэхард избавился от душащего нагрудника — обязательный атрибут совета, мало ли, когда и откуда придёт нападение! Впрочем, воздуху всё ещё решительно не хватало — но на прогулки у моря времени не было.

Глава сыска предоставил вполне подробную информацию о передвижениях Дерека в день ссоры. Выйдя от Грэхарда, он отправился в порт, где передал подписанный приказ об усилении ньонской эскадры — видели его многие. Потом он вернулся в Цитадель — о чём отчитался дежурный караул. Все они хорошо запомнили возвращение Дерека, потому что синяк, раскрасивший всю левую сторону его лица, привлёк всеобщее внимание.

По возвращении Дерек некоторое время провёл в Среднем дворце (работал в библиотеке), потом посетил Нижний (заходил к Кэси), далее вернулся в Верхний и ушёл к себе.

Караул у дверей Грэхарда был в этом совершенно уверен — Дерек прошёл мимо них — и его синяк, опять же, слишком привлекал взгляды, поэтому они ещё долго сплетничали о нём.

Караульные были последними, кто его видел; из Верхнего дворца Дерек более не выходил, но и найти его внутри не получилось. Сыск, однако, плотно обыскал и два остальных дворца, и все хозяйственные постройки, и оба контура укреплений. Дерек как в воду канул; никаких следов.

Отдав приказ закрыть Цитадель на вход и выход, раздражённый Грэхард, отменив дела, взялся за поиски сам, уверенный, что никто не справится с этим так хорошо, как он. За вторую половину дня он облазил все уголки, которые особенно любил Дерек, со скрежетом сворачивая любые потайные двери и препятствия, — но все помещения были пусты. Сыск продолжал прочёсывать территорию, поэтому едва ли кто-то мог проскользнуть незамеченным из одного укрытия в другое — не говоря уж о том, что Дереку нужно было где-то брать еду!

Чем дальше длились поиски, тем сильнее Грэхард зверел. Он уже совершенно забыл о собственной вине: выходка Дерека вывела его из себя. Устроил... прятки, понимаешь ли! Как обиженный ребёнок!

Грэхард психовал, пинал стены, сворачивал детали интерьера, орал на стражников, грозился мучительной казнью главе сыска — но так и не достиг основной цели.

Дерек не был найден.

Всю ночь Цитадель ходила ходуном: грозный повелитель с совершенно зверским выражением лица продолжал обыскивать чердаки, чуланы, подвалы, закутки и другие укромные местечки, пачкая стены копотью смоляного факела и разгоняя этим зыбким светом клубящийся мрак. Гарнизон совершенно не выспался, потому что часть людей тоже занималась поисками, а другой части эти поиски чрезвычайно мешали спать: в казармы то и дело кто-то заходил и начинал шариться под кроватями или в оконных нишах.

Наутро, отменив совет — поскольку приказ никого не впускать и не выпускать был всё ещё в силе — Грэхард завалился спать, велев продолжать поиски без него.

Наконец, к вечеру следующего дня он вынужден был признать, что Дерек в Цитадели нет.

Сыск вышел за пределы укреплений и принялся прочёсывать город. Допросы велись без перерывов, глава сыска спал урывками и жил на одном кофе, его помощники напоминали оживших мертвецов, а нервные стражники успели распугать всех горожан, потому что тащили на допрос по малейшему подозрению.

Грэхард постоянно находился в центре творящегося бедлама, лично своротил нос

подозрительному стражнику, который заявил, что всю ту ночь нёс караул и точно не видел никакого Дерека, подписал одиннадцать смертных приговоров (по ходу допросов, не найдя следов Дерека, сыскари, тем не менее, добивались успеха в других областях), вздёрнул на дыбе какого-то проходимца, который будто бы видел какого-то подозрительного белобрысого бродягу, но не мог выдать никаких подробностей из-за того, что был тогда безбожно пьян... и слёг с простудой.

С пропажей Дерека в Цитадели расстроились десятки мелких и крупных дел, и срочно поднятая в ранге канцелярия его повелительства ещё не успела разобраться во всём и всё наладить.

Конечно, никто не догадался ни убедиться, что Грэхард не работает с мокрой головой под открытым окном, ни заставить его вовремя надевать носки, ни подносить в должный час кислый витаминный настой...

Владыке пришлось поумерить личный пыл, и, не занятый более непосредственно лютованием, он остался полностью беззащитен перед своими мыслями и страхами.

Главный, мучительный, бесконечный, чёрный страх, который теперь отравлял всё его существование, заключался в мысли, что Дерек, возможно, мёртв.

Этот разъедающий сердце страх лишил владыку остатков здравого смысла; он орал на каждого, кто появлялся в поле его зрения, громил интерьер собственных покоев и подписывал приказы, позволяющие допросы с пристрастием, десятками.

Отсутствие трупа, конечно, чуточку притупляло страх; но Грэхард начал предполагать, что Дерека выкрали хорошо подготовившиеся враги, и теперь нагнетают, собираясь выдать какой-то совершенно унижительный ультиматум.

Грэхард был готов выполнить любые условия — лишь бы получить назад Дерека живым и здоровым. Врагов он, конечно, потом лично придушит. Определиться бы, кого именно?

У него хватало людей, ненавидящих его самым лютым образом; но кто из них мог бы выкрасть Дерека из хорошо защищённой Цитадели?

Грэхард подозревал каждого; в особенности — членов совета. Совершенно неясно, как бы они могли вытащить Дерека наружу мимо стражи, но у них, во всяком случае, был доступ внутрь Цитадели. Другое дело, что просто схватить советников и бросить их в пыточные было проблематично даже по меркам грозного владыки: знатнейшие ньонские князья, такой беспредел приведёт к бунту оппозиции.

Однако ж, именно враги из княжеского круга оставались теперь единственным вариантом, который сыскари не отработали за неделю тщательных поисков.

Поэтому Грэхард решил начать работу с оппозицией — благо, в его распоряжении была любимая дочка одного из злейших его врагов.

***

Допрос солнечной совершенно выбил Грэхарда из колеи — если ещё было, куда выбивать.

Ни на секунду не закралась в его голову мысль, что Дерек может уехать сам, по собственной воле, — что Дерек может сбежать! Он рисовал в своём уме самые страшные и маловероятные картины, которые предлагала ему его паранойя, усиленная негативным жизненным опытом, но это!..

«Сбежал!..» — билась железным грохотом в его голове мысль, которую он никак не мог осознать.

Как такое возможно? Как Дерек — его Дерек! — мог сбежать?

У Грэхарда ничего не складывалось в голове; мысли дрожали на грани восприятия скалистыми обломками разрушенных представлений о жизни, и эти искалеченные разбитые обломки ни во что невозможно было сложить.

Он не мог осознать и принять реальность, в которой Дерек — его Дерек! — мог его оставить.

Оставить? Сбежать! Не поговорив, не объяснившись, бескомпромиссно, безжалостно, безвозвратно. Так не бывает. Так не может быть. Это же... Дерек.

Его Дерек, который всегда был рядом — все последние пятнадцать лет, изо дня в день, во всех передрыгах и трудностях! Его Дерек, чья улыбка и весёлые приветствия начинали его день, чей искренний смех зажигал в этих днях солнце, чей тёплый взгляд провожал ко сну...

Дерек был настолько вросшим, вжившимся в самую суть Грэхарда, что теперь было совершенно невозможно представить, как он мог — просто взять — и уехать.

Грэхард не понимал, не мог понять и не хотел понимать. Угольно-чёрная пелена накрыла его мысли, отказываясь принимать то, что реальность этим мыслям не соответствовала.

Грэхард хотел рвануть и вернуть; вернуть эту часть своей души, это внутреннее ядро своей настоящей жизни, эту суть своего сердца — всё то, чем для него был Дерек.

Вызвав главу сыска, он поставил новую приоритетную задачу: отыскать следы беглеца. Данное солнечной обещание не искать его он уже и забыл — как можно было не искать Дерек? Все мысли, чувства и побуждения Грэхарда теперь слились в одно: нестись следом, немедленно, как только станет понятно, — куда.

«Куда он мог поехать?» — бился в голове Грэхарда один вопрос, но либо на него не было ответов вообще, либо ответов оказывалось слишком много.

В своё время они с Дерекком объехали полсвета — он мог податься куда угодно! — но было совершенно неясно, куда бы ему хотелось отправиться.

Грэхард досадовал на то, что даже предположить не может; если бы он знал, что Дерек хочет куда-то поехать!

«В чём была проблема просто сказать?!» — негодовал он. Ладно, Дереку потребовалась эта поездка. Почему не сказать? Грэхард снарядил бы его лучшим образом: деньги, сопровождение, повеления везде принять и обеспечить.

Они поссорились, да; но разве бы Грэхард отказал?..

Впрочем, Грэхард едва ли замечал за собой, что, скажи ему Дерек о своём желании прямо — и нарвался бы на самую сумасшедшую и злобную реакцию. Это теперь, после недели изматывающего страха, Грэхард полагал, что сделал бы всё лучшее, чего бы ни захотел Дерек. Но там и тогда — едва ли он мог его услышать...

Теперь же Грэхард метался по своим покоям пленённым хищником и не знал, куда нестись. Ему требовалось действовать — немедленно, сейчас! — но ему было не к чему приложить эту кипучую энергию. Он не мог предположить даже страну, которую Дерек выбрал — он знал много языков и мог устроиться почти где угодно. Даркия, Мариан, Ниия, Анджелия, Райанци, Сир? Не говоря уж о том, что и в самом Ньюне хватало укромных мест!

«Почему, почему он просто не поговорил со мной?!» — продолжал обиженно негодовать Грэхард, как вдруг споткнулся посреди шага, чуть не пропахав носом пол, потому что... вспомнил.

В последние дни его тревога за Дерек была так глубока и серьёзна, и он столь

настойчиво гнал от себя мысли о его возможной смерти, что он совершенно позабыл саму ссору — и удар.

Он настолько привык к мысли «Дерека выкрали, возможно, убили!», что забыл о том злополучном ударе начисто.

«Не простил», — ледяным холодом сковало сердце Грэхарда страшным пониманием.

Ухнув в тьму этого понимания, он грузно опустился на пол, прислонившись спиной к резному столбику кровати. Тот неприятно впился в спину элементами своего декора, ледяной сквозняк тянулся вдоль каменного пола, но Грэхард этого не замечал.

«Не простил», — звучал в его мыслях этот окончательный и безжалостный приговор, тяжёлым мечом с треском раскалывая и голову, и жизнь на две половины.

Он... даже не рассматривал... такой вариант. Что Дерек может попросту не простить.

Тяжело сглотнув, Грэхард потёр погорячевший лоб ладонью. Ладонь неприятно пахла железом, и он отдёргнул её обратно.

Не простил. Дерек попросту его не простил — и сбежал.

«Что же теперь делать?..» — мелькнула в голове беспомощная мысль, отдаваясь болью в висках и затылке.

Кровь шумела в ушах, громом бился пульс, отсчитывая секунды, и каждая секунда тонким лезвием делала зарубку на сердце, обозначая время, которое он должен был теперь проживать — без Дерека.

Потому что Дерек — его — оставил.

***

Грэхард катастрофически не мог принять ту реальность, в которой теперь оказался. В его картине мира Дерек был бессмертен и неизменен; не могло быть реальности без Дерека.

Потеряв этот обязательный элемент своего существования, Грэхард растерянно замер посреди своей жизни, оглушённый и опрокинутый в грязь. Всё разладилось и расстроилось, всё потеряло смысл, всё обрушилось карточным домиком, враз сгоревшим и превратившимся в пепел.

Простуда, впрочем, дала ему передышку — он и так отменил все свои дела и встречи, и мог теперь торчать безвылазно в своих покоях, тупо разглядывая холодные каменные стены.

Так, наедине с собой, не занятый никаким делом Грэхард оказался отдан на растерзание собственной памяти. В этой крошечной бездне мрака не было светлых мыслей.

Память безжалостно мучила его, отравленными стрелами вонзая в сердце его собственные злые слова, его собственные мрачные взгляды, его собственные резкие жесты — всё то, чем он, не задумываясь, потчевал Дерека, пока он был рядом. Уверенный, что Дерек будет рядом всегда.

Как бесконечно, как жадно ему хотелось теперь вернуться в прошлое и изменить всё!

Если бы он знал, если бы он только мог предполагать, что Дерек однажды сбежит — он бы всё сделал совсем иначе. Он был бы безгранично терпелив и мягок — насколько он вообще был на это способен...

Впрочем, он знал за собой, что совсем даже не был способен ни на терпение, ни на мягкость, и это наполняло его сердце чёрной тоской и безнадежностью.

Даже если бы он знал, даже если бы он захотел — у него бы не получилось.

Тоска потихоньку перешла в едкую, как ржавчина, обиду: ведь Дерек, как никто другой, знал, что у него не получается! И сам сотни раз напоминал ему о том, что нужно

успокоиться, что нужно быть мягче, что нужно окоротить себя... Если Грэхарду когда и удавалось проявить терпение и мягкость, то это была целиком заслуга Дерека — Дерека, который умел найти и слова, и время для них, и подход...

Почему же Дерек, который так хорошо его знал, не нашёл никаких слов, чтобы поговорить с ним об их отношениях?

Досадливо крутя в руках трофейные марианские клинки — на тренировку он не мог выйти из-за простуды — Грэхард снова и снова задавался вопросом: почему?

Дерек был задет, он чувствовал себя оскорблённым или обиженным, — но он же знал, что у Грэхарда не было злого намерения! Почему не поговорил? Почему не объяснил? Разве Грэхард не выслушал бы его, не попытался бы что-то изменить в себе?

Он не мог бы теперь взвесить, что мучает его больше: что он причинял другу столько боли — или что друг терпел это, не говоря ни слова.

«Почему не поговорить, почему просто не поговорить?» — беспомощно и жалко шептал Грэхард, сгибая клинки в такт своим мыслям, пока несчастные мечи с треском не сломались вовсе, не выдержав напряжения его тёмных мыслей.

Увы, Грэхарду даже в голову не пришло соображение, что он мог поговорить сам, что он сам мог заметить, подумать, предвосхитить. Он не был силён в такого рода вещах, он привык к тому, что это Дерек обращает его внимание на подобные вещи, и он ждал от Дерека, что именно тот поговорит с ним, если ему что-то будет неприятно.

Но Дерек молчал, молчал, молчал, — а, когда закончились силы терпеть, просто уехал. Не сказав и слова, не дав и шанса что-то исправить.

Грэхард полагал, что это незаслуженно жестоко. Он был виноват, конечно; и виноват не только в том ударе, но и вообще в том, как вёл себя. Но почему Дерек не дал ему даже шанса? Он действительно приложил бы все усилия, чтобы что-то исправить, если бы понимал, что именно нужно исправлять!

Захлёбываясь внутренней горечью, Грэхард пытался перебить её горечью отвара от простуды, но, казалось, обжигающая нёбо жидкость лишь вторит эмоциями и усиливает их. Вся его жизнь теперь до краёв была наполнена этой вязкой горячей горечью с масляным налётом отчаяния.

Он ничего не мог изменить — он даже не мог помочь Дереку теперь.

Хорошо, Дерек был так жесток, что вынес ему самый суровый приговор: он решил его оставить. Но зачем он отказался от всего того, что владыка мог ему дать? Грэхард нашёл бы хоть толику утешения в том, что может, во всяком случае, обеспечить новую жизнь своего бывшего друга всем необходимым и сверх того. Он был богат и влиятелен, и мог бы дать Дереку всё, чего бы тот ни пожелал, — но тот отказался и от этого.

Не дал права хоть так искупить и смягчить свою вину.

Грэхард страдал, воображая себе страшные картины, в которых Дерек нуждается в самым обыденных вещах, в которых ему холодно, голодно и страшно; а он, Грэхард, так легко мог бы это исправить! Но Дерек ему не позволил, предпочитая мучиться в одиночку, лишь бы ничего не принять от бывшего своего повелителя...

Тревога сжимала пальцы Грэхарда судорожным стальным хватом; тонкий либерийский фарфор не мог выдержать этих тисков страха и отчаяния, и крошился прямо в пальцах, обливая их горячим отваром, вонзаясь мелкими осколками, раздирая плоть.

Эта боль даже радовала Грэхарда: она отвлекала его от той мучительной затягивающей боли, в которой плавилось его сердце.

Однако чашки вскоре закончились; и с причиняемой ими болью закончилась и эта передышка.

Грэхард оказался наедине с самой чёрной бездной, которая поглотила всё, во что он верил.

Он висел над этой бездной, и не было ничего, ради чего ему стоило бы бороться.

Не имея никаких сил сражаться за самого себя и за свою жизнь теперь — когда в этой жизни не было Дерека и когда Дереку он стал не нужен — Грэхард рухнул в эту бездну.

***

К жизни он возвращался медленно и неохотно.

Жить было мучительно; осознавать себя было противно; пытаться что-то делать было нестерпимо.

Солнечная оказалась неожиданно приставучей и деловой — отмахнуться от неё было не проще, чем от... Дерека.

Грэхарду пришлось жить — потому что она постоянно лезла под локоть, пихала, побуждала, требовала, настаивала...

Если бы у него ещё были силы удивляться, он бы удивился, что она теперь совсем его не боится.

Внутри своей пасмурной души он был непоколебимо уверен, что она воспользуется этим периодом его выпадания из реальности и устроит за его спиной развод, или попросту сбежит так, как это сделал и Дерек.

Он не понимал, зачем и почему она осталась, но ни на миг не верил, что она сделала это от того, что он мог быть ей дорог.

Он знал, что она его не любит; и теперь более чем когда-либо был уверен, что именно Дерек занял его место в её сердце.

Но Дерека теперь не было; она не сбежала с ним вместе — а ведь, видимо, могла, — и не сбежала после.

Грэхард позволял Эсне тащить его своими тонкими женскими руками, куда ей вздумается, потому что ему было решительно всё равно. В какой-то момент он предположил, что именно в этом и была её причина: ей хотелось свободной деятельности, а он мог это ей обеспечить.

Ему даже не было горько — всё его сердце превратилось уже в выжженную пустыню горечи и боли, и новым чувствам уже просто не было возможности что-то прибавить к этому вихрю из серого пепла и колючек льда.

Однако из этого пепла упрямо, упорно, неистребимо поднимались тонкие ростки нежности и любви к Эсне. Среди тотальной смерти и боли — невесомые былинки светлого чувства.

Оно пробивалось светом со дна души, когда Эсна, склоняя над столом свои рукава-крылья из нежного шёлка, досадливо шевелила губами, вникая в новые для неё вещи. Как было не объяснить ей? Как было не улыбнуться, когда она смотрела на него такими тёплыми внимательными глазами, в которых, наконец, вспыхивал восторг понимания?

Оно расцветало слабыми беспомощными бутонами всякий раз, как она касалась его, обдавая ароматом цветочных духов, — мимоходными жестами, не несущими в себе ласки, но такими естественными и говорящими ярче всего другого, что она его совсем не боится больше. Он не знал, чего она боялась раньше и почему перестала бояться теперь; но он

наслаждался каждым крохотным знаком её расположения, который свидетельствовал о том, что она приняла его таким, какой он есть.

Это слабое, незащищённое, трепетное чувство рвалось из сердца птичьей трелью и с каждым днём овладевало им всё больше. Среди мрака и отчаяния оно стало тем, за что цеплялась его душа в поисках солнца, света и жизни.

Он захотел жить — ради Эсны — и, сжав зубы и бескомпромиссно отрубив всё, что ему мешало это сделать, он начал жить — ради неё.

Грэхард смотрел на анжельского купца Этрэна Дранкара и изо всех сил пытался сделать выражение своего лица менее кровожадным. В конце концов, это торжественный приём в посольстве! К счастью, узкие оконца пропускали не так много света, и в тени яростную мимику грозного владыки было сложно рассмотреть в деталях.

Однако держать лицо получалось плохо: купца хотелось немедленно схватить и потащить в пыточную, поближе к калёному железу, чтобы выведать у него всё, что он знает о побеге Дереха.

Тщательное расследование, инициированное владыкой, принесло порядка сотни версий о том, как и куда именно мог податься Дерек после того, как выбрался за ворота Цитадели в телеге с мусором — нужно же было изобрести столь идиотский способ! И, главное, зачем? Не мог же он взаправду думать, что Грэхард не докопается до правды! Что ему мешало спокойно выйти? Хотел паники нагнести, что ли?!

Так или иначе, версий было чуть больше сотни, и корабль анжельского купца в них входил, конечно. Но сегодня Грэхард получил несомненные доказательства того, что Дерек смотался именно с этим анжельцем: потому что купцы в числе преподнесённых подарков подготовили для солнечной госпожи ценные породы древесины.

Информация об увлечении Эсны резьбой не была общеизвестной. Поскольку маловероятно, что Кьерин стал бы с кем-то обсуждать свою дочь, а с работниками Цитадели анжельцы знакомы не были, оставался лишь один вариант: Дерек разболтал.

Грэхард скрипнул зубами. О чём ещё он умудрился разболтать — и кому? Чего теперь ждать от анжельцев? Не накроется ли тщательно подготавливаемая операция по захвату Кеса?

Купец улыбался и нёс свою привычную погодную дурь. Жаловался на ньонские ветра, которые ему даже в Анджелии покоя не дают!

Грэхард незаметно сжимал кулаки, борясь с чёрным желанием отдать приказ немедленно его хватать и тащить в застенки Цитадели. Раскалённое железо — лучший способ получить ответы на свои вопросы!

Но Этрэн Дранкар был побратимом правителя Аньтье; даже для Грэхарда было бы опрометчиво ссориться с фигурами такой величины. Мстительность этой семейки была известна. Ещё будучи принцем, Грэхард в Анджелии познакомился с их старшей ветвью, и ещё тогда сделал вывод, что с этим родом связываться опасно.

Теперь оставалось лишь скрипеть зубами, терпеть шум в ушах и придумывать многоходовые планы о том, как всё-таки добраться до купца.

Тот же, улыбаясь вполне непринуждённо и приветливо, даже не подозревал, какие тучи ходят у него над головой и грозят разразиться молниями, — и всё вещал про своё анжельское солнце...

Грэхард тогда сдержал себя. Купец беспрепятственно уехал к себе на родину, в Аньтье. Туда же рванули и агенты ньонской разведки: искать следы Дереха.

Однако тщательная проверка всех контактов самого Дранкара, членов его семьи и их ближних друзей ни к чему не привела.

Никаких подозрительных лиц, могущих оказаться Дерехом.

Тогда разведка решила всё-таки взяться за правителя Аньтье и его семью — в конце

концов, побратимы.

Здесь, впрочем, тоже ловить оказалось нечего. Ни при старшем сыне правителя, ни при младшем, ни при дочке никаких подозрительных новых лиц не обнаружилось. Пытались устроить слежку и за самим правителем, но агент чуть не привлёк внимание местной контрразведки, так что со слежкой пришлось завязать.

Как могли, агенты перерыли Аньтье — это оказалось не так-то просто, потому что местные умели хранить свои секреты. Однако Дерекка не обнаружилось ни при городской администрации, ни в ратуше, ни в различных командах управленцах (прошерстили всех, от начальника порта — до командира городской стражи).

Обшарить захолустные таверны и проверить их подавальщиков агенты не догадались, поэтому устремились за пределы Аньтье — искать следы Дерекка дальше.

Грэхард помедлил, прежде чем открыть шершавую папку, в которой лежал очередной отчёт внешней разведки.

Он позволял себе эти несколько секунд слабости — за время которой его сердцем овладевала мучительная и бешеная надежда — потому что у него не было больше ничего, кроме этих нескольких секунд.

В который раз позволив себе их, он медленно открыл папку — сразу на последней странице.

Там на сероватой бумаге привычно и лаконично значилось: «По интересующему лицу — ничего».

Ещё получая папку, Грэхард знал, что отчёт будет закончен именно этой безжалостной фразой; если бы какая-то информация появилась бы — ему доложили бы тотчас.

И всё же он ничего не мог с собой поделать: он отчаянно верил, что каким-то чудом прочтёт там что-то иное.

«По интересующему лицу — ничего», — смотрело на него сухо и строго, как и всегда.

Отложив папку, Грэхард встал и подошёл к окну, наблюдая, как над заливом догорает закат. Свинцовые тучи затопляли собой небо, вторя безнадежным мыслям.

Его агенты обшарили, кажется, каждое поселение в Анджелии — возможно, кроме северных деревень, — но не нашли никаких следов Дерека и двинулись дальше.

Рациональная часть Грэхарда полагала, что шансов найти что-то у них нет. Возможно, Дерек в Аньтье пересел на другой корабль — который мог идти куда угодно. Он мог теперь уже быть в любой стране, и у него было достаточно времени, чтобы спрятаться там и замаскироваться, либо обзавестись покровителями при королевских дворах.

Разведка отдельно отслеживала, нет ли свидетельств того, что через Дерека произошла какая-то утечка тайных сведений — но тот прокол с древесиной был единственным. Возможно, Дерек никому ничего не сообщил, потому что... умер.

Его корабль мог затонуть, или он мог попасть в руки разбойников, или он мог заболеть... десятки, сотни случайностей, на которые Грэхард никак не мог повлиять, но которые вполне был способен вообразить.

Он решительно гнал от себя те страшные картины, которое рисовало его воображение, но каждый раз эта проклятая строчка «По интересующему лицу — ничего» как лезвием вскрывала нарыв его страхов.

Что, если искать уже некого?

Прижмурившись на закат, Грэхард вообразил, что Дерек сейчас здесь, как обычно, как всегда. Закопался в документы на столе, зачитался одним из них — поэтому так тихо.

Тишина такого рода была неправдоподобна — Дерек обычно работал шумно, с бормотанием, с восклицаниями, с мелкой суетой, которая создавала целый ворох шорохов. Но мог же он зачитаться, правда?

Фантазия не срасталась. Грэхард не обладал должным умением создавать иллюзии и погружаться в них. Он знал, что Дерека сзади нет — и никогда уже не будет. И это знание впивалось в сердце мерзкой пиявкой, высасывая из него силы.

«И как мне с этим?..» — досадливо думал Грэхард, пытаясь взять себя в руки и вернуться, наконец, к работе.

В голове его с дерековскими интонациями возник ответ: «Просто живи».

Очевидный в своей простоте ответ, который Дерек наверняка озвучил бы первым, если бы и впрямь был сейчас здесь.

Грэхард не желал углубляться в беседы с воображаемым Дерексом — по опыту знал, что возвращаться от них в реальность было мучительно, как просыпаться с тяжкого похмелья. Но Дерек, тем не менее, так долго был частью его жизни, что он не мог совсем избавиться от того, чтобы время от времени в его голове формировались дерековские реплики.

«Просто отпусти уже и живи» — настаивал знакомый голос внутри его мыслей.

Тяжко вздохнув и приняв тот факт, что сегодня ему никак не отделаться от призрака Дерекса, Грэхард зашарил в одном из ящиков своего секретера. Туда он когда-то запрятал ключ от комнаты Дерекса — и с тех пор так и не нашёл в себе сил в неё зайти.

Выудив из завалов хлама искомое, Грэхард, резким жестом велел страже оставаться на месте, прошёл к запертой комнате.

Ключ повернулся легко; должно быть, Дерек следил за исправностью замка, поэтому тот был в хорошем состоянии даже после столь длительного простоя.

Отперев дверь, Грэхард некоторое время стоял перед нею — ему казалось, что он собирается вступить в склеп.

Наконец, решившись, он переступил порог.

В комнате отчего-то пахло сухими травами, а совсем не склепом, и Грэхард почувствовал себя спокойнее.

Тёмное тесное помещение слегка освещалось лишь догорающим закатом, и он пожалел, что не захватил свечу — возвращаться теперь не хотелось. Однако почти тут же он вспомнил, что у Дерекса должны были быть и свеча, и огниво; нащарив нужное, он сумел разжечь огонёк, мерцающим отсветом озаривший предметы вокруг.

Комната выглядела пустой и необжитой. В ней было всего три предмета мебели — скромная кровать, средних размеров сундук и огромный стол со стулом.

На столе теперь наблюдались только письменные принадлежности и всякие мелочи; документы сгребли кипой непосредственно после побега, чтобы разобрать и пустить в ход.

Глядя на эту почти нищенскую пустоту, Грэхард впервые осознал, что у Дерекса ничего не было. Вообще ничего — кроме одежды и необходимых для его работы вещей.

Грэхард никогда не задумывался об этом, потому что внутри своего сердца полагал, что всё, что принадлежит ему, принадлежит и Дерексу тоже.

«Но я никогда ему об этом не говорил», — с щемящей тоской осознал он.

Он вообще никогда ни о чём ему не говорил, считая сотни вещей слишком очевидными и по умолчанию полагая, что Дерек и сам всё это прекрасно знает.

Сев за стол, Грэхард окинул взглядом пыльные заброшенные мелочи — они не вызвали в нём ни капли узнавания. Он обычно не приходил в комнату Дерекса — это Дерек приходил к нему.

Не зацепившись ни за что взглядом, Грэхард стал дёргать ящики стола — они покорно обнажали пустое нутро. Отсюда тоже всё выгребли в своё время.

Нижний ящик, однако, не поддался: он был с замком. По непонятным причинам выламывать его никто не стал — то ли поленились, то ли на попытку получить от владыки разрешение на это нарвались на гнев и приняли его за запрет.

Грэхард задумался: где искать ключ, он не знал, а звать людей для взлома — не желал.

Решив свою дилемму в пользу «попробовать выломать замок ножом», он преуспел: слабый замочек явно не был рассчитан на силу мрачного владыки. Ящик выломался так легко, что Грэхард даже удивился.

Неизвестно, на что рассчитывал Грэхард, но внутри обнаружилось только три предмета: небольшая книжечка, стопка листков и камешек.

Грэхард взял и раскрыл книжечку, и с большим удивлением обнаружил в своих руках даркийский молитвенник. В Ньюне они были запрещены, поэтому логично, что Дерек предпочёл его спрятать.

Находка была удивительной; у Грэхарда были смутные подозрения, что Дерек сохранил некоторую симпатию к вере своих предков, но все они основывались скорее на параноидальных допущениях. Сам Дерек никогда этих симпатий не демонстрировал, и вполне исправно вникал в постулаты ньонской веры и сопровождал владыку на всех религиозных мероприятиях.

Они никогда не обсуждали даркийскую веру; и Грэхарду было странно и больно осознавать, что Дерек хранил от него в тайне эту часть своих убеждений.

«Я вообще хоть что-то о нём знал?» — в который раз с тоской подумал Грэхард, открывая молитвенник и вчитываясь в отдельные строчки, не очень, впрочем, понимая их смысл.

Книжечка выглядела потрёпанной; кажется, Дерек читал её часто. Со вздохом Грэхард спрятал её в карман, решив на досуге изучить более детально.

В стопке исписанных листков Грэхард с удивлением признал открытки в честь новолетия — эту традицию священники Небесного заимствовали как раз у нийцев и даркийцев. Каждый год уличные художники с удовольствием продавали маленькие листочки, на которых было нарисовано что-то красивое. Рисунки было принято сдабривать благопожеланиями и дарить близким — Грэхард, конечно, никогда ничего подобного не делал, хотя вот уже третий год получал такую открытку от Эсны. Та, правда, мастерила её сама, искусно вырезая любопытные сюжеты на тонких дощечках.

На том листочке, который лежал верхним, был изображён большой корабль с белоснежными парусами; он нёсся по волнам, озаряемым солнцем.

Грэхард перевернул листок; рука его дрогнула.

«С новолетием, старина! — было написано на ней знакомым почерком. — Знаю, что ты не любишь эти глупые традиции, но не могу удержаться и не пожелать тебе всех благ. Пусть корабль твоих замыслов, подгоняемый ветром твоей воли, несётся по житейскому морю навстречу солнцу! Уверен, что ты сможешь добиться любых высот, которых пожелаешь, а уж я, в меру своих сил, постараюсь тебе в этом помочь»

Внизу стояла совершенно неуместная в своей лживости подпись: «Всегда твой Дерек».

Несколько секунд Грэхард пялился на эту обманувшую его подпись; гнев вскипал в его висках болезненно-тугими ударами пульса.

Он чуть не разорвал эту открытку на ошмётки; но в последний момент остановился.

У него больше не осталось от Дерека ничего — ничего личного, ни писем, ни записок. Они всегда были неразлучны; Дереку было незачем ему писать. Да, в Цитадели хранилось огромное количество созданных им бумаг — но все они касались рабочих дел.

Ни одной личной записи — кроме этих нечаянно обнаруженных так и не подаренных в своё время открыток.

Дерек знал, что Грэхарда бесит эта традиция; поэтому он просто подписывал каждый год новую открытку, чтобы выразить свои чувства, — и оставлял у себя.

Гнев слетел с Грэхарда в один момент, словно он попал под поток ледяной воды. Он остро осознал, каким уникальным сокровищем владеет теперь: целой стопкой подписанных

для него открыток.

Хотелось немедленно перечитать их все, но Грэхард волевым усилием решил, что отложит их, и будет читать в год по одной — как маленький подарок самому себе.

Это было горько и иронично: пятнадцать лет он игнорировал чувства Дерек и не желал ничего о них слышать — а теперь у него не осталось ничего, кроме этих отвергнутых им когда-то открыток.

...камушек Грэхард чуть не выбросил, потому что, кажется, тот ничего из себя не представлял. Обычная прибрежная галька, которой и у подножья Цитадели — целые залежи.

Лишь спустя несколько дней он вспомнил, что гальку эту Дерек подобрал во время их поездки по Даркии — с побережья, на котором когда-то стоял его родной посёлок, а теперь осталось лишь пепелище и заброшенный крест над общей могилой.

Грэхард подумал, что это был очень важный для Дерек предмет, и то, что он не забрал его с собой, могло свидетельствовать о том, что он собирался вернуться в Даркию.

Почувствовав прилив воодушевления, Грэхард вызвал главу сыска и велел обратить особое внимание именно на даркийское направление, особенно — на интересующее его побережье.

«По интересующему лицу — ничего» — пятый год до слепоты жгла его глаза дурацкая строчка, ставшая приговором.

Нужно было набраться мужества и признать: поиски бессмысленны.

Дерек не стал искать убежища ни при одном королевском дворе, не обнаружился ни в командах крупных управленцев, ни среди администраций крупных городов. Если он и выжил, то, видимо, ведёт тихую скромную жизнь частного лица.

Грэхард вполне мог вообразить, что Дерек такая жизнь устраивала — а значит, он не сумеет его найти вообще никогда, потому что перебрать каждый частный дом мира даже его разведке не под силу.

Непослушными ледяными пальцами, не желающими удерживать перо ровно, Грэхард подписал приказ понизить приоритетность этой задачи до минимума. Это, в конце концов, отдавало безумием — выделять столько сил и средств на поиски одного лица.

Первое время Грэхард ещё отговаривался тем, что того требует государственная безопасность Ньюна. Дерек знал слишком много секретов; его нельзя было упускать, потому что в руках их врагов он стал бы опаснейшим оружием.

Но, раз эти пять лет Дерек так и не поведал никакому правителю своих тайн, значит, либо и не собирается этого делать, либо мёртв.

Признаться, Грэхард даже скорее предпочёл бы, чтобы он был мёртв — ведь иначе следовало признать, что Дерек до сих пор таит на него обиду и злобу.

Отходчивый характер Дерек не предполагал злопамятности; можно было согласиться, что он сбежал под властью самых чёрных эмоций — но совершенно невыносимо было поверить, что он за все эти годы так и находится во власти этих тёмных чувств.

«Значит, он мёртв», — постановил сам в себе Грэхард, пытаясь этим траурным выводом отпечатать точку в собственных метаниях.

— Рейнир! — позвал он секретаря.

Тот незамедлительно вошёл и поклонился. С досадой Грэхард осознал, что это, кажется, не Рейнир — он всех их вечно путал и только недавно перестал, забывший, звать Дерек. Однако секретари послушно откликнулись и на Дерек, и на имена друг друга, и никак не высказывали недовольства.

— Главе сыска, — протянул Грэхард свежеподписанный приказ, опасаясь, что не решится пустить его в ход, если промедлит.

Секретарь пружинистым шагом подошёл, взял бумагу, снова поклонился, и, натренировано пятясь, молча вышел.

Грэхард проводил его мрачным тяжёлым взглядом: он ненавидел своих секретарей и едва их терпел, однако попытка подобрать на это место других лиц ни к чему не приводила, поэтому вот уже несколько лет, как он предпочитал сохранять обученный состав. Во всяком случае, они бесили его меньше, чем новички.

В кабинете воцарилась тишина.

Где-то далеко за горизонтом глухо гроыхнуло — приближалась очередная гроза. Грэхард встал, подошёл к окну и прижался лбом к ледяному стеклу, вглядываясь в чернеющие тучи. Из приоткрытой щели ощутимо тянуло дождём.

«Простыну», — глухо понял Грэхард, резким жестом прижимая створку окна и

возвращаясь к столу.

Там ждала стопка неразобранных документов. Раскрытый сверху лист язвительно смеялся ему в лицо отвратительной строчкой «По интересующему лицу — ничего».

Не в силах видеть эту насмешливую, жестокую строчку, Грэхард закрыл папку и встал, прошёлся по кабинету из угла в угол.

Не отыскав ни мира, ни спокойствия в своей душе, он скорым шагом вышел наружу и отправился в Нижней дворец, в покои жены. Начинаясь дождь заставлял зябко ёжиться — Грэхард ни надел ни плаща, ни шляпы.

«Простыну», — угрюмо повторил свой вывод он, ускоряя шаг.

Эсна была на месте, занималась чем-то за столом; увидев его, всё отложила и встала с приветливой улыбкой:

— Грэхард!

Он жадно взгляделся в нежные черты её лица, борясь с желанием резко и грубо заключить её в объятия и незамедлительно ею овладеть.

— Что с тобой сегодня? — с тревогой спросила она, хмурясь и делая несколько шагов к нему.

Он застыл, боясь по-звериному наброситься на неё и напугать своим порывом.

— Дурное настроение, — с трудом разжав зубы, неохотно признался он, понимая, что пугает её своей хмуростью и заставляет предполагать какие-то несусветные причины этой хмурости.

Он никогда не говорил ей, что приступы этого мрачного настроения связаны с Дерексом, но предполагал, что она догадывается об этом.

Во всяком случае, она никогда не расспрашивала его о причинах — а значит, догадывалась.

Вот и в этот раз, ничего не спросив, она тихим скользящим шагом подошла к нему и обняла.

Он зарылся лицом в её волосы, вдыхая любимый и знакомый запах благовоний.

— Тебе нужно больше отдыхать, грозный мой повелитель, — со вздохом прошелестела ему на ухо она, а после попеняла: — Ты совсем себя не бережешь!

Это было правдой; он, как всегда, глушил тоску в бешеной работоспособности.

Он прижал её к себе крепче, зарываясь пальцами в золото её мягких волос.

Ему становилось легче, когда она была рядом; сердце его успокаивалось в её объятиях.

— Хочешь, — глухо предложил он, — покажу тебе те острова, которые я отвоевал у Либерии?

— Очень хочу! — тихо и счастливо рассмеялась она куда-то ему в шею, обдавая её своим тёплым дыханием.

— Значит, на будущей неделе отправимся! — твёрдо постановил он.

— Какое небывалое здравомыслие! — с лёгким смешком отозвалась она, а после, чуть отстранившись, заглянула ему в глаза.

У неё был нежный и словно слегка светящийся взгляд; возможно, потому что лучи света преломлялись в её золотистых ресницах.

Из сердца его, сквозь чёрную тьму отчаяния, рвалась мольба: «Не оставляй меня, не оставляй меня хотя бы ты!» — но он запретил ей выходить наружу. Впрочем, его голодный жадный поцелуй сказал ей о его чувствах больше, чем даже самые откровенные мольбы.

***

Солнечная с этой очередной её безумной идеей безмерно раздражала.

Как ей вообще такое в голову могло прийти! Разрешить женщинам обучаться в университете!

Он что, по её мнению, полный болван?! Какие ещё женщины в универсантах!

Ладно, он разрешил эту её школу, эти её просветительские кружки и даже некоторые публикации их трудов! Но университет!

— Даже рассматривать этот вопрос не буду! — рыкнул раздражённо Грэхард, отбрасывая документ, который держал в руках.

Она выпрямилась, открыла было рот, но ничего не сказала, посмотрела на него свысока упрямым сильным взглядом, резким жестом подобрала юбки и гордо удалилась.

Всё предвещало второй раунд.

...предчувствия Грэхарда не обманули: несколько дней Эсна, притупляя его бдительность, была скромна, мила, тиха и нежна. Он знал это её обыкновение подольститься к нему, поэтому был настороже.

Наконец, подгадав у него особо благодушное настроение, она пошла в новую атаку: в этот раз без эмоций, используя рациональные доводы и опираясь на конкретные цифры.

— Из двадцати женщин все двадцать дошли до выпуска! — с энтузиазмом заявила она, шурша бумагами. — В то время как среди мужчин до выпуска доходит только 60–70 % поступивших! Это говорит о том, что женщины более замотивированы...

— Дай сюда, — Грэхард раздражённо отобрал бумаги, в которые она подглядывала. Замотивированность женщин его заинтересовала: он не любил разбрасываться ценными ресурсами. Если реально они поступают в университет не из пустой блажи...

Отчёт Кармидерского университета впечатлял. Пять лет назад они впервые позволили женщинам обучаться в их стенах, и в этом году выпустились первые поступившие по этой программе. На каждую из выпускниц было собрано подробное досье, включающее научные интересы, вклад в работу кафедры, личные проекты... Грэхарда особо впечатлило, что список учёных дам возглавляла дочка правителя Аньтье — он не ожидал, что человек такого положения поддержит этот проект.

— Ниия и Райанци планируют начать с этого года, — взволновано продолжила объяснять Эсна и пылко пошла в атаку: — Ты же не хочешь, чтобы они опять говорили, что Ньон — отсталая и варварская страна?!

Грэхард посмотрел на неё весьма хмуро: аргумент был критически нечестным. Он, действительно, близко к сердцу воспринимал репутацию своей страны в международном сообществе, но ему приходилось соотносить свои реформы с настроением внутри ньонского общества. А здесь, конечно, речи не могло идти о таком прогрессивном шаге: да его свергнут и растерзают, если он на это пойдёт!

— Ты только представь, Грэхард! — вскочив от избытка чувств, она даже взмахнула руками. — Мы же им всем нос утрём, ну правда!

Сердце Грэхарда сбилось с ритма и ёкнуло; в её интонациях он услышал голос Дерека.

— Если кто и сможет сдвинуть эти закостенелые обычаи с мёртвой точки, то это ты, мой повелитель! — не унималась Эсна. — У тебя хватит и энергии, и мужества... — тут она

запнулась на полуфразе, потому что заметила, что он смотрит на неё совершенно мёртвым неподвижным взглядом.

Догадавшись, о чём он думает, она замолкла и уныло села на своё место.

С минуту они молчали. Долетавший из приоткрытого от окна ветер приносил с собой свежий запах йода и шелестел бумагами, норовя разбросать их, но не имея для того достаточно сил.

— Я изучу эти документы внимательнее, солнечная, — наконец, резюмировал Грэхард. — Но на многое не рассчитывай.

Она кивнула и тихо ушла.

Тряхнув головой и отогнав от себя призраков прошлого — право, давно было бы пора всё это отпустить! — он погрузился в чтение, рассеяно выстукивая по гладкой деревянной столешнице навязчивый народный мотив.

Отчёт оказался весьма занимательным. Как Грэхард любил: без воды и лишних рассуждений, только факты и цифры, и некоторые осторожные прогнозы.

Впечатлившись успехами первых студенток Кармидера, Грэхард всё же не мог не подумать: «Но ведь не все женщины будут поступать из любви к науке!»

Вторя его мыслям, отчёт предоставил информацию о других дамах — во втором и последующим наборах были женщины, которые, в самом деле, использовали университет как способ сбежать из дому или найти выгодного жениха. Как оказалось, у Кармидера был на этот случай разработан проект вступительного экзамена, который помог бы отсеять лишних. С этого года планировалось его ввести — но отчёт был написан летом, так что пока

были неясны результаты этого эксперимента.

«Но как женщины смогут сдать этот экзамен, если они нигде не учились раньше?» — удивился Грэхард, и... тут же получил ответ на этот вопрос: Кармидер организовал летние подготовительные курсы для поступающих, а также уже выпустил несколько общих пособий, рассчитанных на широкую аудиторию.

«Посмотреть бы те пособия!» — нахмурился Грэхард, и в следующей же строчке прочёл, что полный комплект таковых передаётся ньонскому легату Милдару для ознакомления.

У Грэхарда яркими молниями в глазах разыгралась паранойя: отчёт словно бы читал его мысли и заранее приготавливал ответы на вопросы, которые будут у него возникать. Это было подозрительно. Зачем бы неизвестному сотруднику Кармидерского университета проявлять столько участия в этом деле? Возможно, готовится какая-то провокация против Ньюна?

Быть может, его хотят спровоцировать на этот безумный шаг, чтобы под этим предлогом поднять восстание консервативной ньонской верхушки?

Усилив воли отогнав серый мглистый туман своих подозрений, Грэхард вернулся к отчёту.

Далее в нём весьма толково перечислялись выгоды от принятия женщин. Как писал сотрудник университета, женщины были более замотивированы — зачастую их семьи были против такого шага, поэтому им приходилось добиваться разрешения, и к учёбе приступали лишь те, кто действительно сильно этого хотел. Поэтому из женщин получались более старательные студенты, прилагающие силы и упорство к овладению профессией.

В пример приводилась та самая дочка правителя Аньтье, госпожа Тогнар, которая, не имея никакой подготовительной базы, за первый курс полностью освоила материалы, которым обычно будущие студенты посвящали несколько лет перед поступлением. Кроме того, госпожа Тогнар ещё и решила остаться в университете и продолжать научную карьеру.

Грэхарду история показалась сказочной, но в отчёте тут же были приведены и резюмирующая справка от научного руководителя бойкой девицы, и характеристика от ректора. По их словам выходило, что именно госпожа Тогнар — выбравшая своим призванием фармацевтику — открыла новое лекарство, позволяющее проводить дезинфекцию тонких и деликатных тканей.

Грэхард заинтересовался необыкновенно — в его армии многие воины теряли порой глаз именно из-за воспаления после ранения. Составитель отчёта не подвёл, и сделал отдельный акцент именно на потенциальной возможности использовать изобретение в полевых условиях, сохраняя, тем самым, раненым зрение.

Незамедлительно сделав выписки, Грэхард начал составлять приказ о проверке этой идеи — она выглядела крайне перспективно. К его удивлению, в отчёте вполне доходчиво объяснялось, что это за раствор сульфата меди, как его получать и в какой концентрации использовать.

Дальнейшее чтение отчёта оказалось не менее занимательным, и Грэхард подготовил ещё несколько приказов. Представленные аргументы выглядели чрезвычайно убедительно и охватывали, казалось, все сферы, интересующие Грэхарда как правителя, а также предвосхищали все его вопросы и возражения.

«Повезло Кармидеру с сотрудниками...» — тоскливо подумал Грэхард, перечитывая отчёт. Добиться столь толковых бумаг от своей канцелярии он не мог уже... Небесный,

когда он вообще в последний раз читал что-то настолько толковое?

...иголочка догадки кольнула сердце вспышкой холода: Дерек всегда готовил для него именно такие сводные отчёты. Что там писали министры, канцелярия, князя, администраторы — владыка не читал сам. Все отчётные материалы тщательно изучал Дерек, а потом сводил их вот в такие ёмкие и конкретные доклады.

Несмотря на все усилия, Грэхарду больше не удалось найти человека ему на замену. Приходилось теперь мучиться с разнородными документами самому, с тоской вспоминая, как когда-то всё было удобно и мудро — а он не замечал и не ценил...

Захваченный глухой тоской по прошлому, Грэхард пошелестел в одном из своих шкафов и достал старый-престарый отчёт, написанный когда-то Дерекком. Сентиментально вздохнув над знакомым аккуратным почерком, Грэхард вчитался в выцветшие строки...

И сердце его, оборвавшись болезненным спазмом, замерло и сбилось с ритма.

Он узнавал обороты.

Он видел в этом старом отчёте точно такие же обороты, которые только что читал в этом документе из Кармидера.

Он замер, в упор глядя на бумаги и не видя их, поражённый догадкой, отчаянно боящийся в неё поверить, истово мечтающий, чтобы она оказалась правдивой, ещё более боящийся того, что мучительная эта надежда не оправдается и рухнет в пропасть привычного чёрного отчаяния... В себя он пришёл от того, что глазам было сухо и больно: он совсем забыл о необходимости смаргивать, и пялился в отчёт как заколдованный. Сморгнув и поморщившись, Грэхард вернулся к столу и положил перед собой обе папки.

Кармидерская была тоже написана по-ньонски, летящим и немного невнятным почерком Милдара — очевидно, он переводил с анжельского...

«Если оригинал был написан анжельцем — то где все их роскошные метафоры?» — нахмурился Грэхард и ещё раз пробежал глазами университетскую писанину, плохо понимая смысл написанного из-за несущегося вскачь сердца, которое отчаянно хотело верить — и, вопреки любым доводам разума, уже верило.

Всё же он, наконец, осознал, что университетский документ сформулирован сухим лаконичным языком и не содержит ни одного пышного, сложного и яркого оборота, на который были так горазды анжельцы.

Грэхард предположил бы, что в отчётах анжельцы скромнее, чем в обычной речи, но он знал наверняка, что это не так: во время своей жизни в Анжелиии он видал достаточно и официальных, и научных документов, и все они пестрели обычными для анжельцев красотами выразительности и метафоричности.

Открыв наугад папку со старым отчётом Дерекка — пальцы едва ощутимо дрожали, не желая держать бумагу так крепко, как им было велено, — Грэхард прочитал несколько абзацев. Да, он только что видел нечто похожее, в том повествовании о госпоже Тогнар...

Найдя нужную страницу, Грэхард, вздрагивая от нервного напряжения, сличил отрывки.

Возникло чувство, что их писали по одному образцу. Однако ж, результаты судостроительной ревизии в ньонской столице — а именно она значилась в заголовке дерекковского отчёта — точно не могли иметь никакого отношения к Кармидерскому университету.

«Это точно писал Дерек», — сформировалось в душе Грэхарда твёрдое убеждение, успокоившее и сердце, и дрожь, и разлившееся по всему телу тёплой уверенностью в том, что эпоха безнадёжной тревоги окончена. Сотрудник Кармидерского университета уж точно

не бедствует!

Неосознанно поглаживая свою роскошную густую бороду, Грэхард погрузился глубоко в размышления.

Он не мог вообразить себе ни одной причины, по которой Дерек — если это и впрямь был он — зачем-то решил бы сохранять анонимность. Положим, он до сих пор даже слышать ничего не желает о Грэхарде — но кто мешают ему работать с Милдаром? Они точно были друзьями раньше, и Дерек совсем не обязан был разрывать с Милдаром связь из-за того только, что он порвал связь с Грэхардом.

Или он боялся, что Грэхард... что? Потребуется объяснений? Станет настаивать на встрече? Завалит его идиотскими письмами?

Давно справившись со своей старой потребностью немедленно нестись за Дерек и возвращать его любой ценой, Грэхард теперь не помнил её и не мог понять, чего может бояться Дерек и зачем ему вздумалось скрываться.

«Нужно поговорить с Милдаром!» — принял решение Грэхард, вставая. Глядишь, личный разговор что-то и прояснит.

***

— Да, я лично беседовал и с госпожой Тогнар, и с её руководителем, — мелко кивая, охотно принялся делиться своими живыми впечатлениями Милдар. — Достижения этой дамы и впрямь вызывают уважение!

— Она ведь дочь правителя Аньге? — небрежно поинтересовался Грэхард, празднично перебирая бумаги на столе и изображая безразличие. Нагретая лучами солнца столешница под пальцами была приятно тёплой, и ему нравилось длить это ощущение.

Милдар, рассеяно глядя в заоблачные дали воспоминаний и слегка шурясь на цветные солнечные лучи, проходящие сквозь витражи окон, охотно подтвердил эту информацию и выразил свой восторг по поводу того, что столь известное в Анджелии семейство подаёт столь славный пример.

Выслушав длинный яркий монолог о том, как хорошо устроено это дело в Кармидере, Грэхард перешёл к сути:

— Ты, кажется, весьма впечатлил местного ректора, дружище?

Не разобрав, в чём суть перехода, Милдар нахмурил седые брови:

— Мой повелитель?

— Судя по всему, — лениво отметил Грэхард, — он выделил тебе в помощь своего лучшего аналитика. Написанная им справка безупречна, — холодно оценил он.

На миг глаза Милдара сконцентрировались на лице владыки — обычно рассеянный взгляд блеснул остротой — но тут же расфокусировались обратно, и он беспечно подтвердил:

— О да, Кармидер всегда славился своими аналитиками!

Грэхард, от которого не укрылась эта игра мимики, небрежно продолжил:

— Неплохо было бы переманить такого специалиста к нам.

Милдар мягко рассмеялся — стариковским дребезжащим смехом — потом ответил:

— Это вряд ли, анжельские ростки плохо приживаются на ньонской почве.

Поморщившись, Грэхард парировал:

— Расскажи это нашей коалиции анжельцев.

Воспользовавшись случаем, Милдар охотно увёл разговор в сторону, и владыка не стал

ему в этом препятствовать. Он уже узнал всё, что хотел: отчёт и в самом деле составлял Дерек.

И Грэхард мог назвать только одну причину, по которой Милдар теперь в этом не признался: Дерек сам попросил его не говорить.

Закончив встречу, Грэхард написал приказ главе сыска: проверить Кармидерский университет, — и принялся размышлять.

Мысль о том, что Дерек, судя по всему, жив, была приятной, но он старался не концентрироваться на ней, потому что сперва требовалось всё проверить. Всё же в настоящий момент у него были лишь догадки, нащёптанные его паранойей: кто знает, насколько они соответствуют реальности?

Однако, если предположить, что Дерек жив и в Кармидере, неизбежно следует вывод, что он не желает, чтобы Грэхард об этом узнал. Случай с поездкой Милдара выдался более чем удобный — если бы Дерек рассматривал возможность восстановить контакты, это был идеальный момент.

Дерек, однако, восстановить контакт не желал — и, более того, явно опасался, что восстановить этот контакт пожелает Грэхард, и поэтому пытался как-то защитить своё инкогнито.

«Глупости какие, — фыркнул про себя Грэхард, неосознанно пиная ножку стола, за которым сидел, — он что же думал, я не узнаю его стиль?»

Тут, однако, ему пришло в голову то соображение, что он никогда не занимался образовательными проектами лично — их курировал Милдар, теперь с поддержкой Эсны, — и он в жизни бы не увидел этот отчёт, если бы Эсна не притащила его с собой, чтобы убедить его в своей правоте.

Дерек, который прекрасно знал загрузку владыки, должен был предполагать, что Грэхард его отчёт не увидит, а Эсна не сумеет его узнать, а Милдар не выдаст.

«Чего же ты боишься?» — задался вопросом Грэхард, мрачно рассматривая пепельно-серую папку и постукивая по ней ногтями.

Возможно, Дерек предполагал, что, узнай владыка о его местоположении, — тут же бы прислал по его душу своих людей, чтобы они утащили его обратно в Ньон? Это было логично сперва, когда Грэхард опасался, что Дерек окажется предателем и выдаст государственные тайны врагам. Но годы показали, что ничего подобного Дерек делать не собирался — так что о его обязательном отлове и водворении в Ньон речи не шло.

Чем мог быть страшен Грэхард для Дерека? Как владыка ни бился — ничего на ум не приходило. Чем он мог помешать Дереку теперь, когда он никак от него не зависел и вёл свободную жизнь в Анджелии?

Не преуспев в своих размышлениях, Грэхард подключил воображение и паранойю, и попытался составить список того, чего он сам боялся бы, если бы оказался на месте Дерека.

Список этот его весьма неприятно удивил, потому что первым же пунктом там шла физическая ликвидация, да и следующие три тоже не радовали перспективами.

Ладно, вопрос с «почему прячется» отпал.

Грэхарду было горько и обидно, что бывший друг считает его человеком, способным убить его из пустых мстительных соображений или от гнева.

Он, действительно, все эти годы искал Дерека — потому что хотел знать, что тот жив, что у него всё в порядке. А если не в порядке — помочь. А может, по случаю — увидеться, поговорить, попросить прощения, или даже — в самых заветных мечтах — уговорить

вернуться.

Но Грэхарду и в голову бы не пришло причинить Дереку вред. Он слишком о многом размышлял в эти годы, и вынужден был признать, что Дерек имел все права его оставить. Он сам виноват в том, что не ценил Дерек, что пренебрегал его чувствами и потребностями, что принимал его служение как должное, и вместо благодарности сыпал придирками, руганью и гневными словами.

В сердце Грэхарда, конечно, росла и крепла обида, что Дерек не сказал ему вовремя, не поговорил честно, просто копил в себе горечь, пока она не перелилась через край, — но Грэхард давно уже отказался от привычки всю ответственность сваливать на Дерек. После его побега ему пришлось самому учиться взаимодействовать с людьми, проявлять терпение там, где оно нужно, обращать внимание на чувства других, — и теперь, с высоты своего нового опыта, он понимал, что было нечестно требовать от Дерек, чтобы он всё это делал за него.

Впрочем, тем горше было окидывать взглядом собственное прошлое: теперь Грэхард знал, что и как делал не так... но изменить ничего уже не мог.

Дерек не оставил ему на это шансов.

И не собирался ему эти шансы давать.

Справедливо? Да.

Больно? Бесконечно.

***

— Мой повелитель! Интересующее вас лицо обнаружено в Кармидере, под именем Деркэна Анодара, — склонился в поклоне глава сыска. — Пока получено лишь подтверждение голубиной почтой, более полный доклад ждём через месяц.

Грэхард, замерев у окна грозной и монументальной скульптурой, никак не выразил той бури эмоций, что ослепительно ярко вспышкой сверкнула теперь в его душе.

— Хорошо, — сурово и холодно принял известие он и добавил: — Я вами доволен.

Ещё раз поклонившись, глава сыска удалился.

Некоторое время Грэхард просто стоял и пялился в пустоту, в попытках совладать с бушующим пламенем самых разнородных эмоций, сметающих из его головы все рациональные соображения.

Потребность немедленно выехать в Кармидер была запредельной — сейчас же, как можно скорее, на самой быстроходной каравелле, а после, загоняя коней...

«Жив, жив, жив!» — стучало в его голове ликующим и оглушающим звоном. Он слышал звон такого рода только однажды в Ниини, в честь Пасхального дня — тогда, казалось, вся ниинийская столица превратилась в один огромный резонанс оголтело звенящих колоколов.

«Жив, жив, жив!» — грохотало кровью в висках, кололо сосуды иголочками, сжималось нервическим тиком пальцев.

«Жив, жив, жив!» — не мог понять, осознать и принять Грэхард.

Он принялся лихорадочно расхаживать по кабинету, всё ещё с трудом сдерживая себя, чтобы не мчаться немедленно в порт.

Нечего ему было делать в порту.

Нечего ему было делать в Кармидере.

Дерек его там не ждал.

Горечь и обида пришли на смену ликованию. Переход эмоций был моментальным; руки

поледенели вмиг.

Дерек его там не ждёт.

Более того — Дерек его боится.

Боится, что Грэхард захочет его вернуть и сделает это, не считаясь с его желаниями. Боится, что Грэхард захочет отомстить — возможно, убьёт. Боится, что единственная причина, по которой Грэхард мог бы к нему прийти — это желание разрушить его жизнь.

«Свой собственный, значит», — фыркнул Грэхард, нервно теребя в руках птичье перо — впрочем, не зная, какой приказ собирается писать, — и вдумываясь в значение новой анжельской фамилии друга.

С именем он не преуспел: в слове «Деркэн» его непривычные к анжельскому мозги видели всё тот же «честный куст», а никак не «идуший к солнцу». Грэхард решил, что Дерек выбрал имя из-за созвучия, а вот в фамилии отразил манифест своей новой жизни.

Этим выбором Дерек подчёркивал, что он больше ни на йоту не принадлежит ньонскому владыке — что, впрочем, на взгляд Грэхарда, и без того было очевидно.

«Он меня боится», — повторял внутри себя Грэхард, и эти горькие слова вонзались в его сердце осколками уже несуществующей реальности. Той реальности, в которой Дерек бесстрашно говорил ему в лицо всё на свете — потому что знал, что Грэхард никогда ничего ему не сделает.

«А потом я его ударил», — напомнил сам себе владыка.

Сам всё разрушил.

Не на кого теперь жаловаться.

Какое у него есть право на эту обиду, если он своими собственными руками — точнее, своим собственным кулаком, — обозначил, что Дереку есть, чего бояться?

«Получил то, что заслужил», — холодно и строго напомнил себе Грэхард, не желая замечать, что внутри его души неистовым морским шквалом, снося любые доводы разума, как песочные преграды, исступлённо растёт надежда на снисхождение и прощение — надежда на то, что Дерек однажды вернёт ему свою дружбу.

Папка была объёмная.

Грэхард с минуту смотрел на неё, не решаясь раскрыть: ему не верилось в то, что он наконец-то узнает, что теперь происходит с Дерекком.

Наконец, собравшись с мыслями, он отворил обложку.

И тут же шумно вздохнул от удивления: на него с тщательно прорисованного портрета сияли светом знакомые глаза.

Точь-в-точь такие, какие он и помнил: светло-карие, распахнутые, словно подёрнутые мечтательной солнечной дымкой.

Грэхард сморгнул; обнаружил, что, по правде, одни глаза от старого Дерека и остались.

Странно, непривычно и дико было видеть густую ухоженную бороду и усы: сколько Грэхард помнил, у Дерека никогда не получалось их нормально отрастить. Жидкие и тонкие волосики смотрелись глупо и жалко, портя его лицо, и он раздражённо сбрасывал их, осознав, что очередная попытка не удалась. Должно быть, с возрастом что-то изменилось: теперь растительность смотрелась весьма внушительно и органично.

Лицо Дерека и вообще изменилось: стало старше, выразительнее, рельефнее. Ничего от знакомого Грэхарду мальчишки! Зрелый мужчина с характером — совершеннейший незнакомец!

Жадно вглядываясь в каждую мелочь, Грэхард что-то узнавал, чему-то удивлялся, и чувствовал, как сердце его переполняется радостью и гордостью, как будто он смотрит на своего выросшего сына, а не на старого друга. Ему было почему-то глубоко, отчаянно приятно, что Дерек стал таким — сильным, внушительным, харизматичным!

Портрет он разглядывал долго, так и сяк представляя себе знакомую игру мимики на новом лице и восхищаясь тому, что рисовалось его воображению. Дорого бы он дал, чтобы посмотреть в реальности на то, что теперь играло в его фантазии! По всему выходило, что Дерек теперь был чрезвычайно хорош внешне — даже лучше, чем был в юности, — и наблюдать его живую смену выражений было бы весьма интересно!

Закончив, наконец, с разглядыванием, Грэхард перешёл к следующему листку — досье.

Там значилось, что господин Анодар — видный анжельский промышленник, купец и учёный. Грэхард, прищурившись на шальные солнечные лучики, залетающие в окно с прибрежным ветром, искренне заинтересовался, как это Дерек умудрился в промышленники податься — купца и тем более учёного он ещё мог вообразить, но это!

Досье любезно сообщало, что Деркэн Анодар, вместе со своим братом Райтэном Тогнаром, является совладельцем каменноугольного предприятия в Брейлине.

Информация оказалась до того любопытной, что Грэхард задумался надолго, прежде чем читать дальше.

Райтэна Тогнара он помнил — выдались как-то на приёме анжельских купцов. Грэхард запомнил этого энергичного парня, потому что слышал его историю. Как раз в те времена, когда тогда ещё ньонский принц проживал в анжельской столице, Райтэн сбежал из дому, и история эта наделала много шума. Было интересно поглядеть на бунтаря, который отказался от доли правителя и подался в купцы, вот Грэхард и запомнил.

Что ж, не очень понятно, как его разведка умудрилась так провалиться и упустить этот момент — ведь контакты Райтэна Тогнара она проверила, и никаких Дерекков или Деркэнов

там не обнаружила.

«Нужно выразить своё неудовольствие», — поставил внутреннюю пометку Грэхард и вернулся к досье.

То любезно сообщало, что большую часть своего времени господин Анодар и проводит именно с господином Тогнаром — их связывают и узы побратимов, и многочисленные общие торговые проекты.

Сердце Грэхарда кольнуло сожалением и ревностью; ужасно хотелось оказаться на месте этого самого Тогнара — и особенно раздражал тот факт, что он вполне мог оказаться на его месте, но даже не подумал о такой возможности в своё время.

«Что ж, по крайней мере, о Дереке можно не волноваться», — со скрипом признал Грэхард, поскольку Тогнары были знатным, сильным и богатым семейством. Раз уж Дерек умудрился стать частью этой семьи — бояться ему теперь было нечего.

Постучав пальцами по сухому дереву столешницы, Грэхард продолжил чтение и узнал, что в университете Дерек теперь занимается созданием каких-то необыкновенных карт с иллюстрациями. Выступает как аналитик, сами карты рисует какой-то марианец, Илмарт А-Ранси, а иллюстрации на них делает студентка, Рубийэнь Декстар. Судя по отзывам агента, карты были весьма хороши, и Грэхард сделал пометку заказать парочку.

Помимо работы, у Дерекы обнаружилась и личная жизнь — некая госпожа Магрэнь Ринар числилась его постоянной любовницей. Владелица парфюмерного предприятия и одна из первых дам Кармидера была описана весьма подробно, и Грэхард от души порадовался за Дереку, хотя и удивился, что тот не женился, а завёл любовницу — сколько Грэхард его знал, такое было не в его характере.

По правде сказать, Грэхард был вынужден признать, что и вообще не задумывался о том, что Дереку, когда тот был у него на службе, возможно, требовалась любовница или жена.

В очередной раз он почувствовал досаду из-за того, что, кажется, вообще никогда ни о чём не задумывался, всё принимая как должное. И Дерек — тут Грэхард даже почувствовал нечто, похожее на раскаяние, — очевидно, влюбился в первую же женщину, которая оказалась к нему близка.

Было неприятно понимать, что именно он, Грэхард, стал создателем той ситуации, которая так его выбесила. Сперва он, загрузив соратника тонной обязанностей, не оставил ему времени и сил на налаживание личной жизни, потом заставил целыми днями заниматься развлечением Эсны, а потом ещё и разгневался, что тот, видите ли, ею увлёкся!

«Как он мог в неё не влюбиться?» — с тоской размышлял Грэхард, позабыв уже о досье и полностью погрузившись в воспоминания о прошлом. Теперь, с высоты прожитых лет, он понимал, что Дерек стал заложником своего положения при Грэхарде и, видимо, совершенно не знал, как выкрутиться из той ситуации, в которой оказался. Даже припомнилось, как он в какой-то момент стал отмахиваться от поручений касательно Эсны и весьма ощутимо избегать её — должно быть, пытался совладать с чувствами, но не преуспел.

И в итоге сбежал — потому что что ему ещё оставалось делать?

Грэхард робко надеялся, что Дерек сбежал именно потому, что был влюблён в Эсну и не знал, как с этим справиться, а не потому, что не простил его, Грэхарда.

Эта версия сперва легла на старые мучительные раны целебным бальзамом; но Грэхард быстро сообразил, как же должен был мучиться своим положением сам Дерек, и от боли за друга ему теперь сделалось больнее, чем было раньше.

«Глупец!» — обличил сам себя Грэхард, пряча лицо в ладонях. Что ему стоило сообразить сразу? Ведь всё лежало на поверхности! Если бы он подумал тогда, если бы только подумал...

Не нужно было приставлять Дерёка к Эсне, нужно было найти время ухаживать за ней самому — Дерёк же ему неоднократно прямым текстом об этом говорил! Но он не захотел услышать...

И теперь имеет то, что имеет.

Тёплый солнечный луч скользнул по лицу Грэхарда, врываясь в кабинет оттуда, снаружи, где в весеннем воздухе ворковали над окном голуби.

Отвлёкшись от тягостных воспоминаний, Грэхард снова решительно придвинул к себе папку и продолжил изучение документов.

Вслед за собранными сведениями был отчёт агента, который свёл с Дерёком знакомство на одной из торговых ассамблей — под видом ньонского купца.

Господин Анодар и господин Тогнар пришли вместе. Ясно было, что у господина Тогнара имелись обширные планы — он с места, ни с кем не здороваясь, рванул к одному из купцов и, невежливо вмешавшись в его разговор с другим лицом, увлёк для частной беседы. Никого в обществе этот манёвр не удивил и не вызвал осуждения — очевидно, именно такая манера и свойственна господину Тогнару всегда, и никто от него иного и не ждал.

На этом месте Грэхард фыркнул, вообразив себе эту картину.

Что касательно господина Анодара, то он, напротив, принялся обходить всех, здороваясь. Кажется, все или почти все были ему прекрасно знакомы — он обменивался некоторыми репликами, зачастую о погоде, и улыбался как старым знакомым.

Далее отчёт повествовал о том, что агент был представлен Дерёку в качестве ньонского купца, торгующего шёлком.

— Ни одна ткань мира не сравнится по нежности и мягкости с ньонским шёлком! — пожимая мне руку, он весело смеялся, выговаривая этот комплимент. — Прекрасное у вас ремесло!

Я хотел было завязать с ним разговор, но его отвлёк внезапно появившийся из ниоткуда господин Тогнар.

— Дер, надо срочно ловить болванки! — в большом возбуждении воскликнул он.

Мгновенно потеряв интерес ко всем окружающим, господин Анодар даже чуть подскочил, пылко соглашаясь:

— Ну так давай ловить!

Перемена была весьма разительна; до этого момента он выглядел пусть и весьма живым и непринуждённым, но достаточно солидным и серьёзным человеком. Теперь же, словно зажёгшись энтузиазмом господина Тогнара, он растерял всю солидность, и, подхватив того под руку, потащил его куда-то, ни капли не заботясь о том, что его поведение сочтут невежливым.

Грэхард снова фыркнул: картина эта рисовалась перед его воображением весьма живо. Судя по всему, два вечных двигателя нашли друг друга. Немудрёно было, что их проекты просто обречены на успех: с такой-то энергией!

подавив непрощенные сожаления по поводу того, что ему точно никогда не придётся бегать с Дерёком в поисках каких-то таинственных болванок, Грэхард продолжил чтение.

Наблюдения со стороны, характеристики на круг общения, пересказы разговоров и

мнений о Дереке и его знакомых... разведка явно старалась реабилитироваться, после столь длительного провального молчания пытаюсь собрать даже самые незначительные нюансы. Грэхард упивался этими нюансами, глотая их сперва жадно, потом вчитываясь, и понимая, что будет ещё и ещё перечитывать... наконец-то, спустя столько лет, в его жизни снова появился Дерек: пусть не лично, пусть вот так, опосредованно, но это был он! Живой, настоящий, деятельный... счастливый.

Судя по тому, что Грэхард читал, Дерек стал чрезвычайно счастливым человеком, вполне довольным своей судьбой. Все агенты описывали его как улыбчивого энергичного мужчину, погружённого в множество дел, явно ему интересных, поддерживающего море

знакомств, ведущего самый активный образ жизни... В Кармидере его многие знали и любили, отзывались с теплотой и восхищением...

Грэхарду стало досадно, что Дерек не был таким — тут, в Ньюне.

Тут, в Ньюне, он был исключительно его, грэхардовским.

Там, в Кармидере, он стал действительно своим собственным, и построил такую жизнь, какую хотел.

И в этой счастливой жизни не было места для ньонского владыки.

...с глухой тоской Грэхард вынужден был уточнить: место-то было, но только в роли тёмной страшилки из прошлого.

И не Дерек было в этом винить.

Грэхарда частенько стало мучить искушение написать Дереку письмо.

Ему хотелось и попросить прощения, и рассказать обо всём том, что он понял за эти тяжёлые душные годы, и оправдаться, и объясниться, и заверить, что Дерек всегда может на него рассчитывать, и...

Он даже пару раз садился было писать, но слова не шли.

Грэхард не был сентиментален и не умел выражать свои чувства на бумаге. Лучшее, что могло бы у него получиться, — казённая сухая строчка, полная канцелярскими оборотами. Что, конечно, вообще никак не соответствовало его отношению к Дереку.

Ко всему прочему, не удавалось выкинуть из головы тревожную мысль, что Дерек такое письмо только напугает. Ведь послать его — всё равно, что прямо заявить: «Я за тобой слежу, мне известен каждый твой шаг».

Да, Грэхард и впрямь следил.

Да, ему ежемесячно приходили отчёты, подробно описывающие публичную жизнь Дерекка.

Отчёты эти стали его личным окошком в жизнь друга — окошком, в которое сквозь ежедневную хмарь и мглу проглядывало то самое солнце, о котором вечно вещали анжельцы. И как он вообще мог вообразить, будто Дерек отправится не в Анджелию? Едва ли в мире существовала страна, в которой он смотрелся бы более органично...

Но всё же Грэхард понимал, что Дерек всё ещё не хочет видеть его частью своей жизни. Он, видимо, отрезал это прошлое. Посчитал, что оно больше не имеет значения.

Было мучительно понимать, что для Дерекка он, Грэхард, больше не имеет значения. Стал чужим, ненужным человеком. Осознание это, как едкий дым, отравляло сердце Грэхарда и мучило его, липким мусором цеплялось к мыслям, пыльным ветром свистело в ушах...

Да, он сам всё сделал для того, чтобы стать Дереку чужим; но от дури ведь, а не от равнодушия! От пустой молодой дури! Ничего в упор не понимал и не желал понимать, вот и доигрался...

Теперь он изменился, и ему хотелось бы, чтобы Дерек знал, что он изменился... может, тогда бы он дал ему шанс что-то исправить?..

Грэхарду оставалось лишь тяжело вздохнуть.

Что бы он ни написал в своём покаянном письме — сам факт доставки такого письма по адресу будет ярко и красноречиво говорить, что ничего, в общем-то, не изменилось. Грэхард по-прежнему считает возможным совать свой нос в чужую жизнь, пытаться её контролировать, игнорируя при этом чувства и решения самого хозяина этой жизни... Дерек бы, ведь, наверное, не желал бы, чтобы за ним следили...

Но это было выше сил Грэхарда — отказаться от этой слежки.

У него больше не было ничего, и уж эту-то малость он точно никому не отдаст!

«Если спугну, — сам себе рационально объяснял Грэхард, — он, чего доброго, опять куда-то рванёт, и заляжет там на дно куда как основательнее».

Страх потерять Дерекка снова был слишком силён.

Лучше уж — хоть так, хоть в одностороннем порядке, но, по крайней мере, знать, где он, что с ним, как проходит его жизнь.

Тем более, что жизнь эта оказалась насыщенной и яркой!

Грэхард читал о проектах Дерекка с большим увлечением, и весьма сожалел, что не может принять в них участия. Там, в Анджелии, Дерек мог позволить себе многие из того, о чём здесь, в Ньюоне, Грэхард и мечтать не мог.

Ему даже приходили иногда в голову безумные фантазии бросить трон и порывом ветра рвануть в эту самую Анджелию.

Совершенная глупость!

Но как же заманчиво было себе представлять...

Тряхнув головой, Грэхард в который раз отогнал все эти мысли от себя.

Он был правителем Ньюона, и его судьбой было отдавать всё ради блага своей страны.

Дерек не обязан был разделять с ним эту судьбу — он и так слишком долго шёл по жизни не своим путём, а путём Грэхарда. Так что оставалось только порадоваться, что теперь у него есть по-настоящему своя жизнь, и удаётся она ему великолепно.

***

— Признаться, я в недоумении, повелитель, — склонился глава сыска и пояснил причину своих сомнений: — Агент почему-то свято убеждён, что имел дело с проверкой, санкционированной вашим повелительством.

Грэхард нахмурился: он, совершенно точно, никакой проверки не организовывал.

— Вызови, — сухо велел он.

Этим агентом он был весьма доволен: много лет тот проживал в Анджелии под видом обычного булочника, и роль эта ему вполне удавалась. Никаких шевелений со стороны контрразведки!

В прошлом месяце пришло известие голубиной почтой, что агент узнал о возможном заговоре с целью покушения на владыку во время его поездки на Кес. Здесь, в Ньоне, оставалось лишь гадать, почему анжельские связисты отметили сообщение как возможную провокацию; ждали самого агента, чтобы узнать подробности.

Выслушав обстоятельный доклад, Грэхард понял, почему глава сыска находится в недоумении: по всему выходило, что записку с предупреждением передал Дерек, и агент, видевший его когда-то при владыке, вполне его узнал.

Отослав и главу сыска, и его подчинённого с резюмирующим «Я весьма вами доволен», подкреплённым значительной суммой, Грэхард погрузился в размышления, разглядывая помятую записку — основную причину поднятого шума.

«Во время поездки в горную обитель на Кесе на нашего повелителя, возможно, произойдёт нападение из засады» — значилось там по-ньонски знакомым аккуратным почерком, который, казалось, за эти десять лет не изменился ни на йоту.

Сердце кольнуло иголкой боли при виде этого знакомого почерка. Усилием воли Грэхард заставил себя успокоиться и отошёл к окну.

Грозовые тучи сгущались вокруг Цитадели, мраком своим окутывая и мысли её господина.

Записка вызывала бесчисленное количество вопросов, которые носились внутри головы Грэхарда одновременно, сталкиваясь друг с другом и порождая всё больше хаоса.

Откуда всплыла информация про горную обитель? Поездка готовилась в строжайшей тайне. Чья разведка, каким образом могла раскопать эти сведения, как с этой разведкой связан Дерек и возможные заговорщики? Грэхард написал первый приказ: разыскать утечку данных и путь этих данных в Анджелию.

Однако, выходит как? Дерек знает не только о самой поездке, но и о некоем заговоре — он связан с заговорщиками? Или следит за ними? Из отчётов своих следаков Грэхард знал, что Дерек сейчас находится в столице Анджелии и занимает важное место при местном видном политике, господине Михаре. Заговор готовят анжельцы? Их слишком встревожило завоевание Кеса? Хмурясь, Грэхард подписал второй приказ: прощупать отношение к нему анжельской элиты и политиков из высшего эшелона власти. Что ещё за тайный враг объявился?

Способ получения записки тоже пахивал идиотизмом. В столице Анджелии расположено официальное ньонское посольство — что мешало обратиться через него? Каким, вообще, макарон Дерек мог отыскать этого агента? Может, у него имеются тайные

связи с внешней ньонской разведкой? Скрипнув зубами, Грэхард подписал тайный приказ: проверить агентов внешней разведки на несанкционированные связи.

Наконец, совершенно неясно, что творилось в голове у самого Дерека, который, с одной стороны, вроде как пытался скрыть свою личность (что за нелепая накладная борода! И где он был, когда Грэхард обсуждал с ним идиотские способы демаскировки??), с другой — благополучно засветился своим обычным почерком. Так он что же, хотел, чтобы его узнали, или желал остаться неузнанным?

Все эти вопросы настолько не сходились в голове Грэхарда, что его паранойя яркой молнией родила, наконец, правдоподобное объяснение всем странностям: да сам Дерек заговор и организовал!

Воспользовался своими старыми связями, вызнал о поездке в горную обитель, отослал фальшивое предупреждение, а сам...

Тут мысль опять перестала сходиться: если предупреждение было обманным, то где та цель, которой оно должно было достичь? Ну, получил Грэхард фальшивое предупреждение. Что дальше?

«Это какую же засаду нужно готовить на Кесе, чтобы туда заманивать отряд моих карателей?» — подвис Грэхард, вообразив, что цель провокации — уничтожить его передовые войска.

Свежий порыв грозового ветра стукнул в окно, привнося в мысли новую струю.

«Так у него же Тогнары и Рийары в друзьях! Да и Михар этот!» — «прозрел» Грэхард, который увидел в происходящем попытку со стороны анжельской верхушки уничтожить его вернейших воинов. Вот он, растяпа, поверит этому предупреждению, пошлёт на Кес засаду... и там-то их всех и вырежут!

И понятно тогда, почему Дерек своим почерком написал! Чтобы, значит, Грэхард развесил уши лопухом и всему поверил! Мол, не может же Дерек обмануть!

Не в силах сдержать глубокую, звериную боль, Грэхард саданул кулаком по столу.

Он почти смирился с мыслью, что стал для Дерека чужим — пусть мысль эта и отравляла его горечью и досадой — но принять тот факт, что Дерек встал на сторону его врагов и своими руками готовит бывшему повелителю ловушку!

Послав в адрес бывшего соратника весьма нецензурное и эмоциональное пожелание, Грэхард сел за следующий приказ: аккуратно разведать, что за засада готовится на Кесе.

Не такой он человек, чтобы дать себя обыграть в этих играх!

***

Ледяные порывы влажного осеннего ветра били в лицо, но Грэхард и не думал укрыться.

Он стоял ранним утром, перед рассветом, на своём любимом месте — на вершине одной из башен внешнего контура Цитадели — и смотрел в море, которое слабо светилось в зыбком свете проступающей за горизонтом зари. Море бушевало и ревело в вихрях подступающей грозы; мощные волны бились о подножие Цитадели, и ветер, подхватывая брызги, швырял их прямо в Грэхарда. Неистовые тучи неслись по небу, с той стороны, откуда доносились глухие раскаты, пока ещё заглушаемые рёвом волн.

«Это не было ловушкой», — повторял про себя Грэхард снова и снова, но мысль его так и не могла сместиться вперёд ни на йоту.

Он и сам уже подозревал, что попал на крючок собственной паранойи. Привыкший во всём видеть подвох — с детства отражающий заговоры и покушения — он всегда в первую очередь оценивал события с позиции «какой вред мне могут причинить». Эта незыблемая, как гранитная скала, позиция заставила его и в записке Дерекка увидеть то, что он видел вокруг себя всегда: предательство, западню, обман.

Развитая паранойя была тем фактором, который помог Грэхарду выжить и дожить до своих лет — редкий владыка Ньюна мог похвастаться тем, что справил сорокапятилетний юбилей. И, кажется, впервые в его жизни эта паранойя дала сбой.

Дерек его не предал. Его записка не была ловушкой.

Грэхард и сам уже догадывался об этом — просто не желал думать, не желал понимать, боясь разочароваться. Но донесение разведки было совершенно недвусмысленным: никакой засады на Кесе нет, и никаких шевелений со стороны анжельцев нет тоже.

«Это не было ловушкой», — снова повторил внутри себя Грэхард, кутаясь в плащ.

На горизонте сверкнула первая молния, и эта вспышка, как толчок, наконец сдвинула его мысли вперёд, и он сделал вывод: «Это было предупреждение».

Это было предупреждение.

Дерек узнал, что ему, Грэхарду, может грозить опасность, — и Дерек послал предупреждение.

Потому что не хотел, чтобы Грэхарда убили.

Громыкнуло ближе; в зыбком туманном свете можно было различить, как волна ливня неотвратимо приближается со стороны моря к Цитадели, подгоняемая порывами ветра.

«Он не хотел, чтобы меня убили», — с удивлением думал Грэхард, разумом боясь верить этому выводу, но уже всем сердцем веря в него.

Вера эта пробивалась со дна его души как те лёгкие зыбкие лучи ещё не взошедшего солнца, которые, преодолевая и бурю волн, и занавес туч, и завесу ливня, всё же упрямо наполняли собой пространство, расцвечивая его мерцающими бликами почти ещё не видимого света.

Этот невидимый свет насквозь просвечивал и сердце Грэхарда, и под лучами этого невидимого света отступали и горечь, и отчаяние, и боль.

Одно чувство владело теперь Грэхардом всецело, и этим чувством была любовь к другу, который, несмотря на обиды, ссоры и болезненный разрыв, оттуда, из-за горизонта, протянул к нему свои руки, чтобы оградить его от опасности.

Потому что ему — Дерекку — было не всё равно.

Потому что он не хотел, чтобы он — Грэхард — умер.

Крупные холодные капли замолотили по кладке вокруг; хотя ветер швырял их прямо ему в глаза, он не замечал этого, с неосознанной улыбкой глядя куда-то на восток — туда, откуда должно было вот-вот подняться солнце, туда, где где-то далеко-далеко, за волнами и островами, в далёкой Анджелии сейчас билось сердце друга.

— Ваше повелительство!.. — вывел его из созерцания тревожный и опасливый голос.

Грэхард обернулся; дежурный, который спустился в караулку, чтобы не мешать владыке, нерешительно мялся у лестницы, протягивая зонт.

На лице дежурного отчётливо читалось, что он боится тревожить грозного

повелителя, но отчаянно решителен в том, чтобы исполнить свой долг и уберечь его от ливня.

Грэхард рассмеялся, легко и отратно.

Точно так к нему всегда являлся в такие моменты Дерек — правда, на его лице никогда не было опаски, скорее упрёк и раздражение.

«Мой повелитель, ты опять простудишься!» — гневно восклицал он, закрывая Грэхарда зонтом, а иногда притаскивая с собой и фляжку с питьём или тёплый плед.

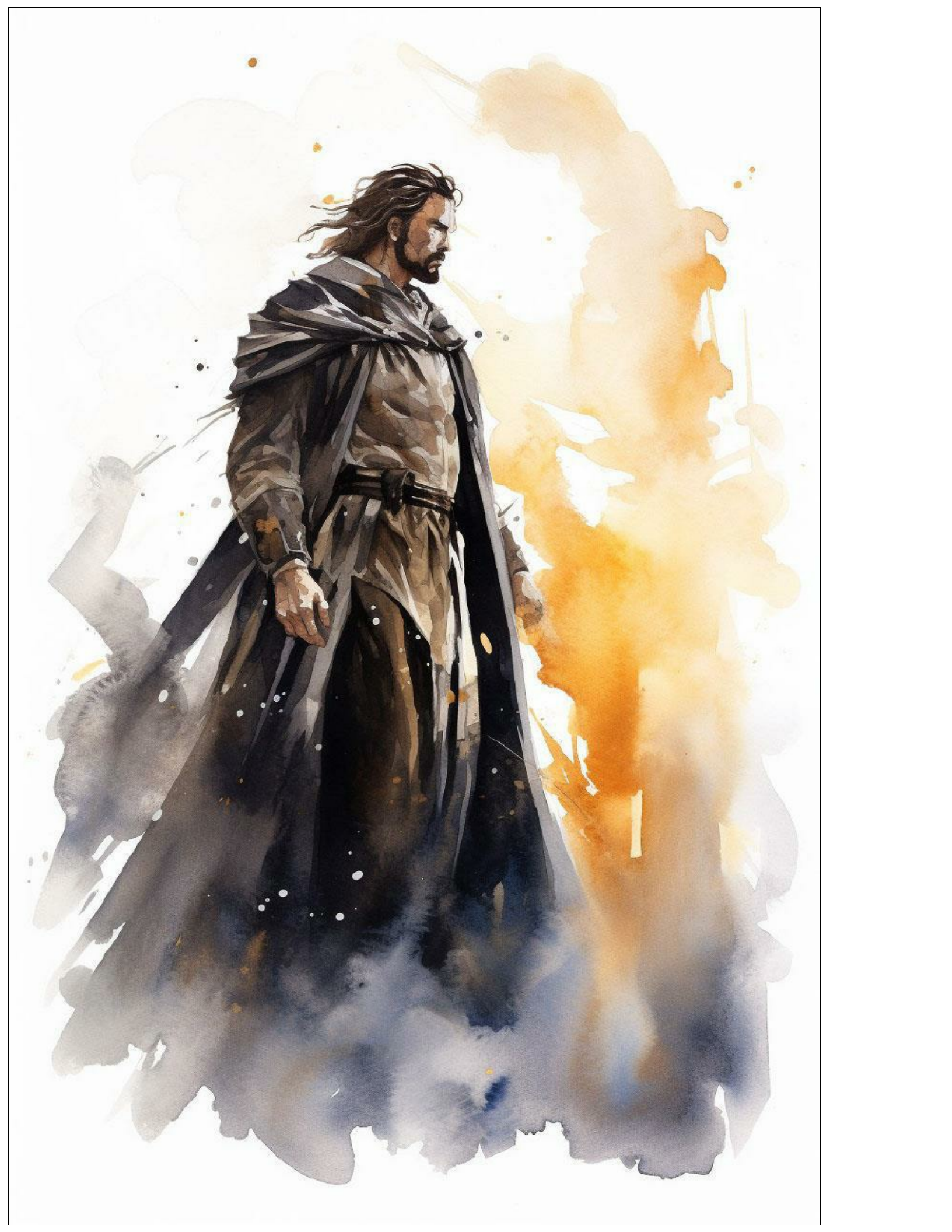
Приняв у дежурного зонт — тот чуть не вырвало во время передачи порывом сильного ветра — Грэхард кивком отпустил его обратно и вернулся к зубцам башни.

Запахнув потуже плащ и укрывшись зонтом от ливня и ветра, он смотрел на восток.

Там, за пеленой дождя и морских волн, отчётливо угадывалось солнце.

Грэхард знал, что ливень скоро закончится, уносимый ветром вглубь страны, и никакие тучи уже не смогут скрыть этого солнца.

***

Грэхард уверенным жестом достал папку с отчётом анжельского агента. Тогда он спрятал её сразу — чтобы не видеть этого осязательного доказательства того факта, что Дерек его предал. Теперь же, осознав, что предательства не было — более того, была забота, было равнодушие, было беспокойство за него, Грэхарда, — он, напротив, хотел изучить дело детальнее.

Сверху в папке лежала сложенная записка Дерекса. Она совсем не закрывала верхние листы дела; а там обнаружились быстрые портреты-наброски на сероватой бумаге, которые делал агент, пытаясь вспомнить, где он видел подозрительного визитёра.

В очередной раз фыркнув на нелепость пышной накладной бороды, Грэхард вдруг замер.

С наброска из-под столь же нелепой, как и борода, шляпы блестели болезненно отчаянные глаза.

Нахмурившись, Грэхард вытащил набросок и взгляделся в него внимательнее. Это была быстрая зарисовка буквально «на ходу», но агент, как и положено, обладал талантом запоминать важные нюансы и отображать их на бумаге быстро и точно. Грэхард узнал в этом портрете Дерекса сразу, несмотря на шляпу и бороду — агенту потребовалось так много времени и так много дополнительных набросков, потому что он видел Дерекса лишь однажды, и очень давно. А вот владыка помнил каждую черточку, каждую мимическую морщинку, каждую деталь.

И выражение, которое стояло на лице нарисованного Дерекса, могло быть только и исключительно отчаянием.

Нахмурившись, Грэхард закопался в отчёт — до этого он довольствовался тем, что услышал при устном докладе, оставив главе сыска разбирать мелкие нюансы.

Подробный и обстоятельный доклад свидетельствовал, что агенту сразу бросилось в глаза отчаяние незнакомца, явно неподходящее к ситуации «просто зашёл в булочную». Агент даже указывал, что подумал было, что незнакомец собрался топиться, и даже хотел предложить ему булку бесплатно — а может, не только булку, но и разговор и поддержку, но не успел, потому что, стоило ему проявить готовность вступить в контакт, как незнакомец поспешно сбежал.

А спустя несколько минут, после визита обычного посыльного мальчишки, агент обнаружил ту самую записку.

Хмурясь всё пуще, Грэхард машинально постукивал ногтями по отчёту, пытаясь собрать мысли воедино. Потом с лёгким шелестом развернул записку.

Теперь, когда он разглядывал её куда как внимательнее, ему стало очевидно, что Дерек то ли спешил, то ли волновался. Да, почерк его не потерял присущей ему аккуратности, но там и сям финальные линии букв были небрежно брошены, тогда как в спокойном состоянии Дерек выводил их аккуратно и чётко.

Перечитав записку, Грэхард первым делом уцепился за слово «возможно». Как он умудрился не заметить его в первый раз?

«Возможно». Дерек совсем не был уверен, что покушение произойдёт, но у него были какие-то причины предполагать такую возможность. Вероятно, до него как-то просочилась информация о поездке в горную обитель, и он предполагал, что информация эта просочилась и куда-то ещё.

Дело было серьёзное; поездка готовилась в секрете, Грэхард не планировал брать с собой много людей, поэтому подготовленная засада, пожалуй, действительно могла бы добиться успеха...

Нервное постукивание пальцами по отчёту резко прекратилось. Грэхард замер, и стальным ножом в мысли его вошло осознание, что возможное покушение, если и впрямь будет иметь место, оказалось бы — без этой записки — самой реальной возможностью для его врагов убить его.

Он планировал ехать небольшим отрядом, тайно. Для широкой общественности была приготовлена легенда — почему владыка задержался в замке сеньора на несколько дней — и даже планировался двойник, который покажется пару раз издалека, чтобы вселить уверенность, что правитель на месте.

Подловить его во время этой тайной поездки... Да. Это был бы очень удачный и перспективный план.

И Дерек, который прекрасно знал привычки владыки, конечно, отлично понимал, как именно будет проходить тайная поездка, поэтому тоже расценил шансы такой засады на успех как весьма высокие, и...

Послал предупреждение.

Глупое, нелепое, совершенно забытое чувство зыбким светом и теплом расплзлось от сердца Грэхарда по всему телу, самым идиотским образом кривя уголки губ в непрошенной улыбке.

«Я просто не хотел, чтоб ты сдох, идиот! — всплеснул руками в его голове воображаемый Дерек, и с обиженным упрёком добавил: — А ты тут развёл теории заговора!»

Грэхард улыбнулся совсем уж широко — такими знакомыми были эти воображаемые интонации, словно принесённые порывом солёного ветра прямиком из Анджелии. Как ему вообще могла прийти в голову мысль, что Дерек стал бы нарочно заманивать его в ловушку? Тем более — таким странным и извилистым способом!

Он ещё раз перечитал записку... и сердце его снова ёкнуло.

«На нашего повелителя» — было написано там.

— На нашего повелителя, — повторил Грэхард одними губами.

Дерек мог написать «на ньонского владыку», или «на повелителя Ньона», или, на худой конец, «на Грэхарда» — да хотя бы и «на Грэхарда Раннида»!

Но он написал «на нашего повелителя».

На нашего.

Ярко свидетельствуя этим выбором слов, что там, в этом жутко независимом и до чрезвычайности своём собственном господине Деркэне Анодаре ещё жив тот самый Дерек, солнечный и верный Дерек, друг и соратник ньонского владыки.

Этим «нашим» Дерек чётко, ясно и недвусмысленно говорил: «Ты мне не чужой. Ты по-прежнему мне не чужой, несмотря ни на что».

Буквы знакомого почерка стали почему-то расплываться, и Грэхард прикрыл глаза, всем своим существом растворяясь в этом тёплом, ласкающем, целительном понимании: «Не чужой. Всё ещё не чужой».

Это значило для него куда больше, чем спасённая жизнь.

Концы с концами солнечными лучиками сошлись в мыслях Грэхарда в тот момент, когда он вспомнил, что Дерек не знает, что уже давненько находится под колпаком ньонской разведки.

Если предположить, что Дерек его боится — а по всему выходило так — то он должен был ожидать, что в случае, если Грэхард его обнаружит, это грозит ему всяческими неприятностями. Видимо, Дерек не рассматривал вариант «обнаружить и тихо приглядывать», поэтому по отсутствию действий со стороны Грэхарда предполагал, что всё ещё находится вне поля его зрения.

Это объясняло, почему он избегал официальных каналов связи — боялся быть узнанным, пойманным и допрошенным, — и почему устроил эти фокусы с бородой.

Картина, которую реконструировал внутри своей головы Грэхард, получалось такой.

Дерек откуда-то узнал, что некто, настроенный к Грэхарду враждебно, находится в курсе возможно критичной уязвимости — тайной поездки в горную обитель — и посчитал, что вероятность организации покушения на владыку весьма высока. Он решил предупредить об этом покушении — но побоялся обращаться в посольство и измыслил нелепый и странный способ передать записку через агента под прикрытием.

Грэхард даже вообразить не хотел, чего Дереку стоило этого агента найти; но особенно мучительно было осознавать, что Дерек, очевидно, предвидел, что агент его узнает, и опасался самых неприятных последствий в связи с этим. Видимо, он ожидал, что ньонская разведка, узнав, что он засветился в столице Анджелии, непременно его найдёт — Грэхард полагал такие опасения вполне справедливыми. Если бы он, в самом деле, до сих пор бы не нашёл Дерека, то после отчёта агента усиленные розыскные команды обнаружили бы пропажу довольно скоро, даже если бы Дерек и попытался бы скрыться. Слишком видной он стал фигурой, чтобы не суметь отследить его теперь.

В душе Грэхарда расцвело золотистой дымкой хрупкое недоверчивое чувство: что же, его жизнь, выходит, была так важна Дереку, что он рискнул своей свободой и всем, что ценно для него, лишь бы передать это предупреждение?

Мысль эта была настолько приятной и ласковой, как тёплый морской бриз, что Грэхард позволил себе пообдумывать её подольше. За последние годы он слишком привык к тому, что господин Деркэн Анодар полностью отрезал своё ньонское прошлое, и что он, Грэхард, больше ничего для этого господина Деркэна Анодара не значит. Осознание, что это не так, что Дереку по-прежнему не всё равно, что он по-прежнему беспокоится о нём, что он неравнодушен, не безучастен, не считает его чужим — осознание это, как тёплый лучик солнца, коснулось сердца, согревая его и нежа волнами радости и благодарности.

Грэхарду хотелось выразить эту благодарность — но как?

Отвергнув все двусторонние способы связи, Дерек придумал способ односторонний. Если бы он послал письмо через дипломатов или купцов, Грэхард мог бы ответить по тому же каналу. Но Дерек выбрал явиться к агенту под прикрытием — зная, что рассекреченного агента снимут и отправят обратно в Ньон, — и, таким образом, не оставил обратной дорожки к нему.

Конечно, Грэхард прекрасно знал, где теперь находится Дерек, и мог отправить ему письмо по своим каналам.

Но это означало, во-первых, расписаться в признании «я за тобой слежу» — что едва ли обрадовало бы Дерека, а, во-вторых, проигнорировать его решение использовать именно односторонний канал связи.

Дерек не захотел оставить Грэхарду возможности ответить; значит, он не хотел получить ответ. А благодарность была не тем чувством, которое уместно было бы выражать, игнорируя столь явно продемонстрированные предпочтения второй стороны.

Не то чтобы Грэхарду было знакомо понятие «деликатность», но он так долго — годами! — перебирал в голове все те бесчисленные случаи, когда он не спрашивал у Дерека его мнения, не интересовался его чувствами и не брал в расчёт его желания, что теперь он невольно не мог не задуматься.

Он хотел показать Дереку, что он — изменился.

Он хотел доказать это делом.

Но как это сделать, если Дерек, казалось бы, лишил его любого легального предложения ответить?

Меряя широкими шагами свои покои, Грэхард пытался отогнать от себя мысль «он не хотел, чтобы ты как-то отвечал, значит, ты не должен этого делать».

Он не мог не ответить — не теперь, когда чувствовал столько благодарности, тепла и облегчения от мысли, что Дерек его не ненавидит.

«К тому же, — рационально объяснял сам себе Грэхард, — если я не отвечу — он так и продолжит бояться».

Нужно было дать ему понять, что бояться нечего. Что Грэхард никогда ничего ему не сделает.

Грэхард не хотел быть в жизни Дерека пугалом — лучше уж не быть совсем.

Бродя от окна к двери и обратно, он пытался измыслить всё новые и новые способы односторонней связи.

Высказать публично какую-то пафосную речь, в которой иносказательно объяснить с Дерекком?

А если до Дерека эта речь не дойдёт?

А если он её поймёт не так, или не поймёт вовсе, или не пожелает понимать?

Издать какой-нибудь манифест... какой? Это ещё хуже речи, пожалуй!

Грэхард с досады пнул ножку стола, из-за чего с него посыпались бумаги и всякая мелочь.

Ругнувшись, он принялся всё это подбирать — звать слуг не хотелось.

Подкинуть письмо, конечно, самый нелепый, но самый простой вариант. В письме, к тому же, можно выразить...

Грэхард закусил губу. Он не знал, что хочет выразить — точнее, то, что он знал о том, что он хочет выразить, звучало ужасно жалко, нелепо, сентиментально, отвратительно чувствительно, мерзко шаблонно, и вообще...

Собрав, наконец, всё с пола на место, он уселся за стол, мрачно обозревая залитый солнцем беспорядок на нём.

Нужно было что-то простое, чёткое, лишённое этой проклятой сентиментальщины — даже под страхом смерти Грэхард не согласился бы высказать что бы то ни было, хоть отдалённо папахивающее сентиментальностью.

«Нужно сперва решить, что именно я хочу передать, — постановил внутри себя он, — а уж потом придумаю — как».

От смены задачи мыслительный процесс не стал проще. Грэхард всё ещё не знал, что хочет сказать.

Ему было нужно как-то дать Дереку понять, что тот в безопасности, что он, Грэхард,

никогда не стал бы причинять ему вреда. Что он понял и принял его решение. Что он уважает его, восхищает им, гордится... любит. Любит его, и благодарен ему за это предупреждение, и что для него бесконечно важно, что Дерек не забыл о нём и до сих пор беспокоится...

Как же Грэхарду сейчас не хватало самого Дерека! Вот, кто всегда умел подобрать правильные слова! Вот, кто не раз помогал Грэхарду с тем, чтобы коротко и ёмко сформулировать всё то, что кипело и рвалось наружу из его сердца!

Грэхард даже частенько называл Дерека властителем словес — за эту способность выразить всё просто и ярко...

Воспоминание о старом прозвище друга почему-то царапнуло подсознание.

Подперев подбородок рукой, Грэхард задумался. Мыслям его вторили птицы, хлопающий крыльями где-то за окнами.

Дерек всегда охотно придумывал себе десятки коротких прозвищ, подходящих к тому или иному делу; иногда их ему давал Грэхард, как было с властителем словес, но чаще это всё же было инициативой Дерека. Может, среди этих прозвищ найдётся что-то подходящее?

Грэхард начал перебирать в голове: генерал бумажного фронта, почётный шарфносец, устроитель рутины, голос разума, хороший настрой, глас владыки, неудержимый голубь...

На «неудержимом голубе» Грэхард прищурился: правильное слово найдено.

Тут и уважение к свободному полёту, и восхищение, и благодарность за посланную записку — ведь неудержимым голубем Дерек себя величал, когда таскал почту владыки, — и гордость достижениями друга, и намёк на тёплое чувство...

Грэхард довольно прищурился.

Он нашёл, наконец, что хочет сказать — но как это сделать?

«Впрочем, — вполне удовлетворённый уже проделанной умственной работой, решил он, — пусть разведка сама разбирается!»

...на следующее утро глава сыска был ошарашен приказом найти способ передать эти два слова находящемуся в столице Анджелии объекту таким образом, чтобы никак не засветить ньонскую разведку, чтобы не инициировать при этом никакого контакта с объектом и чтобы оставить такой способ связи совершенно односторонним.

Глава сыска не даром свой хлеб ел, и уже к вечеру принёс готовый план: написать послание на корме каравеллы, отправить её в анжельский порт, и, ежели объект не наткнётся на неё сам, тайно подкинуть ему записку, чтобы уж наверняка заглянул на причал.

Совершенно не заметив, что этот заковыристый и сложный план обладает точно тем же недостатком, что и просто обычное подкинутое письмо — декларацией факта «я за тобой слежу» — Грэхард этот план одобрил, и даже сам проконтролировал, чтобы надпись нанесли непременно золотыми буквами и непременно разборчиво и чётко.

Каравеллу он даже провожал в путь лично — чтобы убедиться, что надпись хорошо видна издали.

Сверкающие яркими бликами на солнце буквы его вполне удовлетворили.

— Мой повелитель, — по явно звучавшим в голосе главы сыска покаянным ноткам Грэхард сразу догадался, что у них проблемы.

— Кажется, наш кармидерский агент раскрыт, — подтвердила его догадку следующая фраза.

— Кажется? — холодно переспросил Грэхард, недовольный выбором слов. От старого соратника он ожидал большей чёткости!

Тот, пожав плечами, передал владыке письмо от агента.

«Я, право, не уверен, что понял господина Анодара правильно, — значилось в нём, и Грэхард опять поморщился на досадную неточность донесения. — Но не знаю, как ещё толковать сказанное им: «Это вы сами знаете, куда и кому переслать».

Гнев на то, что неточности всё множатся и множатся, начал вскипать в Грэхарде и весьма ярко отобразился во взгляде, которым он одарил главу сыска: мол, где нормальный доклад? Что за загадки ты мне тут подкидываешь?

Нервно сглотнув, глава сыска с жестом «сейчас всё объясню!» подошёл к дверям, выглянул наружу, вернулся с небольшим аккуратным тюком, положил его на стол владыки и развернул.

— Мы подумали, что это, видимо, вам, мой грозный повелитель, — пояснил и так очевидное глава сыска.

Грэхард с некоторым недоумением уставился на предложенное.

В лучах солнца на его столе лежали тёплые вязанные вещи — несколько шарфов, носки, подшлемник...

Нахмурившись, Грэхард подошёл и развернул один из шарфов — своего любимого густо-серого цвета.

Пальцы дрогнули от приятных ощущений: мягкая и послушная шерсть джотандских горных коз великолепно согревала, но никогда не колола кожу.

— «Видимо», «кажется», — проворчал Грэхард, но в голосе его совсем не слышалось злости — скорее оттуда сияющими золотыми лучами пробивалось сдерживаемое веселье. — Со всей определённой — мне, и, разумеется, раскрыли, — повернувшись к главе сыска, насмешливо заключил он, чувствуя, как веселье всё больше и больше овладевает его сердцем.

Совершенно знакомое веселье — такое свежим порывом ветра захватывало его всякий раз, когда Дерек начинал что-то чудить.

Он, правда, раньше никогда не шутил над разведкой — но всё ведь когда-то бывает впервые?

— Ваши приказания? — лаконично поклонился глава сыска, не вступая в пререкания.

Грэхард хмыкнул:

— Пусть и дальше работает в Кармидере, но особо не отсвечивает и не навязывает своего общества господину Анодару.

Едва дождавшись, когда глава сыска с поклоном удалится, Грэхард поскорее напялил на себя так приглянувшийся шарф — и даже прижмурился от удовольствия. Мягкий и такой тёплый!

— Нет, это определённо выглядит, как согласие на контакт! — уверенно заключил он, оглядывая шарф в зеркало и уже начиная прикидывать, что бы можно было послать в ответ.

В конце концов, официально раскрытый шпион — это уже совсем даже не тайная слежка, а полноценный канал связи, ведь так?

